

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АННА КАЛИНКИНА
ОБМАНУТЬ СУДЬБУ

FUTURE CORP.

Метро

Анна Калинкина

Метро 2033: Обмануть судьбу

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинкина А. В.

Метро 2033: Обмануть судьбу / А. В. Калинкина — «АСТ»,
2015 — (Метро)

ISBN 978-5-17-092147-8

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Отряд сталкеров, состоящий из представителей разных государств Московского метро, отправляется на юго-восток, в сторону нескольких станций, отрезанных от Большого Метро. Судя по всему, у каждого в отряде есть своя, особая задача, и ни один из сталкеров не спешит выкладывать все карты на стол. Что они надеются найти в окрестностях станции «Кузьминки», и с чем столкнутся в действительности? Есть ли причины у местных жителей так бояться старой усадьбы или чужакам намеренно лгут, чтобы помешать проникнуть на территорию парка? И пусть сталкеры занимают одну из высших ступеней в иерархии нового мира, есть вещи, справиться с которыми им не под силу. Ведь обмануть судьбу не в состоянии ни отважный разведчик, ни даже сам всемогущий генсек Красной Линии.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092147-8

© Калинкина А. В., 2015

© АСТ, 2015

Содержание

Судьба? Судьба!	7
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Калинкина

Метро 2033: Обмануть судьбу

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.А. Глуховский, 2015

© А.В. Калинкина, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Судьба? Судьба!

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Странная, я вам скажу, штука – эта ваша (наша) судьба.

В нее можно верить и не верить, ее можно бояться и над ней можно смеяться, ее можно пытаться изменить, а можно просто лечь, раскинув руки, и отдаться на волю волн. Авось не потопят, родимые, хоть куда, да вынесут.

Что особенно приятно – какой тип поведения ни выбери, в любом случае все жизненные перипетии, да и вообще, происходящее с нами, от выпадения молочного зуба до падения нравов в обществе, от взлета карьеры до скачка артериального давления, можно недрогнувшей рукой писать себе в плюс. Ибо – что бы ни происходило вовне и во мне, но я упрямо, несмотря ни на что: (не)верил, (не)боялся и (не)пытался что-то изменить. Вот поэтому-то, и больше ни по какой другой причине, оно и...

Есть люди, которые не просто отрицают наличие судьбы и хоть какой-то высшей, не зависящей от человека предопределенности, но и сделали бодание с нею своей «фирменной фишкой». Бодание самозабвенное и бескомпромиссное, чтоб пощады не просить и, разумеется, не давать. Пусть в глазах давно уже темно/красно/бело, пусть лоб разбит в кровь, а мышцы-сухожилия отчаянно умоляют хоть о какой, даже самой краткой, передышке, – бодаться, и никаких гвоздей! До самого конца бодаться, а уж со щитом ты в финале или на щите – это уж как су... (зачеркнуто. Жирно, два раза. С восклицательным знаком) получится. Такие, кстати, совсем не редки среди оголтелых атеистов, которые вполне могут посоревноваться в безумии с такими же оголтелыми религиозными фанатиками, и еще не факт, кто победит. Все-таки прав – в очередной раз! – был мудрый сэр Генри Лайон, заметивший, что фанатики умеют разжигать костры или гореть на них. И это, увы, все, что они умеют.

Профессиональные Прометеи, дон Кихоты и Че Гевары. Ужасное зрелище, как ни взгляни. При всем уважении ко всем троим легендарным персонажам.

Знаете, почему?

Как можно бороться с тем, во что ты не веришь? Вот представьте в качестве наглядного примера: я не верю, скажем... в Америку. В самом прямом смысле. То есть – нет такой страны и никогда не было. Ни демократии их, ни Пентагона, ни вечнозеленой валюты. Да и существование материка, знаете ли, под большим вопросом. А уж что там наоткрывал испанский мореплаватель итальянского происхождения, еще посмотреть надо! Недаром именем другого назвали, ох, недаром! Так вот, не верю, значит, я и все же – борюсь. Чего она, в самом деле, а? Как бы оно чего – не. И вот я: хожу на антиамериканские митинги, всецело поддерживаю «наших» против «ихних», бойкотирую проклятый фастфуд на букву «М» (в бесплатный туалет, правда, забегу, но только когда совсем уж прижмет, а так – ни-ни) и жду, когда же, наконец, возродят ОСОАВИАХИМ на погибель супостатам.

В которых я не верю.

Оценили?

Так что хотите – верьте, хотите – нет, а голову все же иметь предпочтительно.

Во избежание.

Глава 1

Пропащая экспедиция

Крот бродил по Таганской-Кольцевой будто бы бесцельно – оглядывался вокруг, словно любовался лепными фигурами на стенах. На самом деле гораздо больше, чем барельефы и разноцветный мрамор, чем глядевшие со стен лики героев старины, его интересовали лица живых. Но слишком явно проявлять свой интерес и обращать на себя излишнее внимание не хотелось, вот он и делал вид, что заинтересовался отделкой Таганки, знакомой ему до мельчайших подробностей.

А здесь было чем полюбоваться. Пол, выложенный серым и красным камнем, был отдраен до блеска. Вокруг деловито сновали люди, по большей части хорошо одетые. «Словно и не было ничего, не было Катастрофы, не было последних двадцати лет, – подумал он. – Кажется, сейчас с шумом и грохотом вылетит из туннеля поезд, и люди отправятся по своим делам – кто на работу, кто домой».

Из туннеля и впрямь раздался пронзительный гудок, затем появился обшарпанный вагон, тянувший за собой другой, со снятым верхом, в котором на деревянных скамейках сидели пассажиры, одетые кто во что горазд. У пожилой женщины с котомкой из-под ватника торчала пестрая юбка, на ногах были разрезанные калоши. Сидевший рядом парень в линялом спортивном костюме придерживал перемотанный скотчем баул – челнок, не иначе. На него брезгливо косилась с соседнего сиденья дама в шубке из меха непонятного животного и в лосинах, гордо выставившая напоказ ноги в почти новых кроссовках, – статусная вещь, по нынешним временам, мало кто может себе такое позволить. Дама то и дело фыркала, морщила нос – видно, от парня исходил не самый приятный запах. Тот упорно делал вид, что не замечает, а может, и вправду не замечал – вроде бы дремал, однако за баул держался крепко. Вот дрезина остановилась, и сон с парня мигом слетел – он первым, схватив баул, прыгнул на платформу.

Крот отвернулся, вздохнул – уж и помечтать нельзя. Конечно, заметно было, что люди на станции сильно отличались от пестрой, спешащей по своим делам толпы, которая вливалась и выливалась из вагонов в прежние времена. Хорошо одетые люди попадались на глаза и теперь, на Ганзе жили богато. Но между «тогда» и «сейчас» разница была огромная. Теперь хорошо одетым считался уже тот, у кого вещи были целые и относительно чистые, кто имел возможность хоть раз в несколько дней вымыть голову – воду берегли, как зеницу ока, так трудно было добывать ее и очищать. На женщину глядели с завистью, если у нее были длинные волосы – такую роскошь могла позволить себе теперь не каждая, большинство коротко стриглось. Отчасти – из санитарно-гигиенических соображений, отчасти – из экономии.

Многие из нынешних обитателей станции были в военной форме самых разных образцов – отчасти потому, что это была самая доступная одежда. Крот хмыкнул, покосился на свои берцы. Вот он-то в прежней жизни, когда был еще мальчишкой, одевался куда хуже нынешнего, но если бы можно было вернуть назад те дни, согласился бы, не раздумывая ни секунды. Это тогда казалось, что ему многого не хватает. Теперь он понимал, что ценить надо было другое – солнечный свет, зелень, тепло, родные лица вокруг. А сейчас шмотки ему перепадут куда лучше, чем раньше, – да только обновки почему-то почти не радуют. Неблагодарная скотина человек, и то ему не так, и это не эдак. Наверное, могло быть гораздо хуже: он тоже мог сгинуть в тот день, когда мир наверху взорвался, когда погибли все его близкие. Но он чудом уцелел – хотя теперь сам не знал, радоваться этому или печалиться.

Возле перехода застыли двое часовых в сером ганзейском камуфляже, над ними свисало полотнище. Белая простыня с коричневым кругом посередине – флаг Ганзы. В северной части зала из разноцветных пластиковых панелей был выстроен самый настоящий гостиничный комплекс. Кроту доводилось останавливаться в нем, были там и двухместные, и четырехместные

кабинки, а посередине комплекс был разделен двухметровым проходом. Еще Таганская славила своим госпиталем, но Кроту, по счастью, попадать туда не доводилось. Его раны штопал, как правило, первый попавшийся лекарь – и заживало на нем, как на собаке.

Крот еще раз кинул рассеянный взгляд на дрезину – и насторожился. Еще одно знакомое лицо – вряд ли это случайность. Крот готов был поклясться, что видел этого типа где-то – худощавая фигура, узкое лицо, коротко стриженные светлые с проседью волосы, длинный нос, водянистые, слишком близко посаженные глаза, смотрит словно бы рассеянно. Крот хотел отвернуться, но не успел – тот поймал его взгляд и по-свойски кивнул, как старому знакомому. Поздно было притворяться, что не заметил, и Крот кивнул в ответ. Тот подошел к нему, протянул руку. Крот сжал ее – сухую, узкую шершавую. Крепко сжал – человек слегка поморщился. Был он на две головы выше, и оттого казалось, что на собеседника смотрит сверху вниз – снисходительно.

– Привет! Так тебя тоже подписали на это? – спросил тип, имени которого Крот пока так и не мог вспомнить.

– Может, и так, – уклончиво ответил Крот. Он чувствовал – отнекиваться бессмысленно. Его тайная миссия скоро перестанет быть тайной. Конечно, мужик мог иметь в виду что-то совсем другое, но Крот нутром чувствовал – ошибки нет, они здесь по одной причине. И стоило ли тогда шифроваться дальше?

– Ладно, мне тут еще кое с кем пересечься нужно, давай вечером в столовой, – предложил долговязый так, словно заранее не сомневался, что Крот согласится. И Крот кивнул – а что ему оставалось делать. Его собеседник направился к входу в гостиничный комплекс. Крот, наконец, вспомнил его – свой, брат-сталкер. Всплыло в памяти и его погоняло – Литвин. А может, это была настоящая его фамилия. Крот даже вспомнил, где видел его, – в Полисе. В государстве, расположившемся на Библиотеке имени Ленина и соседних трех станциях, где хранились уцелевшие книги и знания, – последнем месте, наверное, где еще ценилась книжная мудрость. Там преобладали брамины, хранители, ведущие свой род от сотрудников Великой библиотеки, и кшатрии-военные. У браминов были на висках татуировки в виде книги, но у Литвина никакой татуировки не наблюдалось. И все же Крот мог бы поклясться, что в Полисе его хорошо знают. Да и этой своей манерой – смотреть на собеседников свысока – долговязый очень смахивал на браминов.

Тем временем тот спросил что-то у охранника на входе в комплекс. Крот отвернулся, а когда снова поглядел в ту сторону, заметил новое действующее лицо – высокий мужик в защитной форме и фуражке с красной звездой что-то втолковывал Литвину, хмурясь. Собеседник Литвина сгоряча даже сорвал фуражку, обнажив залысины, – грубое, словно обветренное, красное лицо его было в морщинах. Рядом с мужиком топталось худенькое, бледное создание в рубашке защитного цвета, висевшей на его плечах, как на вешалке, мешковатых штанах, не спадавших лишь благодаря затянутому на талии ремню, массивных ботинках и черной бейсболке. «А вот и Следопыт. В прошлый раз у него был другой стажер, невысокий плотный парнишка. Интересно, куда он делся? Не позавидуешь тому, кого Следопыт возьмет в обучение, – нудный до ужаса».

Сталкер с Красной Линии по кличке Красный Следопыт был известен коллегам как вредный и упертый тип. Даже сам факт, что он взял себе такое погоняло, говорил о многом. На Красной Линии всех сталкеров называли красными следопытами, а этот, видимо, считал себя самым красным из всех. Однако сейчас Крота занимал не характер Следопыта, с которым многие уже успели столкнуться. Крот чуял нюхом, тем шестым чувством, которое так часто позволяло ему уходить от опасности, – что-то назревает. Слишком часто попадались ему здесь сегодня знакомые лица.

Нет, ему случалось и раньше видеть здесь сборища – Таганская-Кольцевая была местом оживленным. Иной раз здесь собирались те, кто гордо именовал себя охотниками, – их было

видно издалека. Понятно, ведь отсюда прямая дорога на Пролетарку, на полигон. Охотники пили, шумно хвастались друг перед другом снарягой и трофеями. Крот и подобные ему таких втайне презирали. Конечно, легко подстрелить на полигоне израненного, измученного мутанта, которого, рискуя собой, заботливо доставили с поверхности для тебя сталкеры, связанного и смиренного. А ты попробуй схватиться с тем же мутантом наверху, в мертвом городе, где он – в своей стихии, а на тебе химза, стесняющая движения, и противогаз, ограничивающий обзор. Попробуй там победить его – вот тогда и ясно будет, имеешь ли право называться охотником. Да настоящих охотников на все метро, может, – единицы.

А может, лишь один из всех по-настоящему заслужил право называть себя охотником. Хантером.

Мелькнула в толпе, нервно озираясь, бледная женщина в камуфляже, в черных перчатках с обрезанными пальцами. Неровно постриженные волосы, открывая одно ухо, полностью скрывали другое, шрам на лице был едва заметен. Кроту показалось, что повеяло чем-то зловещим. Ей-то что здесь понадобилось? Нет, конечно, можно было предположить, что все эти люди сошлись именно здесь и именно сегодня абсолютно случайно, но жизнь приучила Крота не доверять случайным совпадениям – слишком часто за случайностью просматривалась закономерность. Он вздохнул, достал из кармана замусоленный клочок бумаги, на котором карандашом были нацарапаны неровно, словно второпях, лишь два слова, еще раз перечитал их, тщательно свернул записку и сунул обратно в карман.

Да, определенно сегодня здесь слишком много собралось таких, как он, – охотников за удачей.

Крот был одним из тех, кто после Катастрофы совершал вылазки в разрушающийся потихоньку на поверхности город, выискивая там то, что могло еще пригодиться населению подземки. В сущности, он брал то, что ему не принадлежало, но называлась его профессия звучным словом, от которого замирали сердца девушек, – «сталкер». И такие, как он, пользовались всеобщим уважением среди жителей подземки. Потому что теперь выбираться на поверхность было очень опасно – а то, что там оставалось, не принадлежало уже, в сущности, никому и постепенно ветшало, приходило в негодность, ржавело, покрывалось плесенью. После Катастрофы немногие уцелевшие лишились всего, квартиры в городе стали почти так же недостижимы и бесполезны для прежних владельцев, как, например, участки на Марсе. Сталкеры искали в руинах все, что еще могло принести хоть какую-то пользу остаткам населения: продукты, иногда еще годившиеся в пищу, – выжившим привередничать не приходилось; лекарства, срок действия которых давно истек; оружие, противогазы, химзу. Даже косметику, чтобы женщины могли украшать себя, – понятное дело, это было недешевое удовольствие, и позволить его себе могли далеко не все. Косметику покупали лишь те, у кого было в досталь универсальной валюты метро – патронов, и потому по внешнему виду женщины легко было судить о крутизне ее отца или покровителя. На Ганзе жили еще более-менее ухоженные женщины, не то, что на отдаленных станциях, где девчонки чернят себе брови угольками, а в уши вставляют железные кольца.

Крот хмыкнул. Да, на родной станции ему были обеспечены восхищенные взгляды юных соплюшек, и даже одинокие женщины в возрасте глядели на него с тайной надеждой. Большинство из них не прочь было обрести в его лице спутника жизни и защитника, тем более что в метро одинокая женщина, по сути, была легкой добычей для любого проходимца. Но Крота они как раз не интересовали – может, оттого, что все их чувства и чаяния слишком явно читались в глазах с первого взгляда. Впрочем, ухоженные и стервозные ганзейки тоже не особо ему нравились. Приходилось признать – женщину своей мечты он так и не встретил пока, хотя приключения у него были. Впрочем, какие его годы – для мужчины под тридцать жизнь еще только начинается. А женщины здесь, в метро, стареют куда раньше мужчин – от тяжелого быта, плохого воздуха, недостатка солнца.

К тому же, сталкеру нет смысла загадывать на будущее – его профессия полна неожиданностей, сегодня он жив-здоров, а завтра вполне может не вернуться с очередного задания. Наверное, именно это обстоятельство и заставляло сильнее биться женские сердца, чем Крот иногда пользовался. И ведь, казалось бы, он далеко не красавец – слишком близко посаженные глаза и небольшие черные усики придают ему сходство с животным, в честь которого он и получил свое прозвище. И все равно, узнав, чем он занимается, большинство женщин начинают смотреть на него с особым вниманием. Приятно иногда увидеть восхищенный взгляд – сам себе начинаешь казаться куда более крутым и отважным, чем на самом деле. Хотя что уж там говорить – сталкеры тоже разные бывают. Сами-то они в своем кругу знали друг другу цену, понимали, кто чего стоит. Есть такие, как легендарный Хантер, – кому посчастливилось его увидеть, те рассказывают об этом с придыханием. Он существует словно бы сам по себе, сам ставит себе задачи, размах которых ошеломляет. Думает о судьбах всего метро. «Куда уж нам до него, – думал Крот, – мы простые трудяги, черная косточка, хотя тоже кое на что способны».

Кроту приходилось иной раз сталкиваться с конкурентами, с кем-то у него сложились нормальные отношения, с кем-то – нет. Но большинство сталкеров были между собой знакомы и предпочитали многие вопросы решать сообща. Их пропускали на всех станциях, каковы бы ни были в данный момент отношения между основными державами метро: Ганзой, располагавшейся на Кольцевой линии, на территории которой он и находился в данный момент, Четвертого Рейха, занявшего Пушкинскую, Чеховскую и Тверскую, и Красной Линии, возглавляемой генсеком – товарищем Москвиным. Существовали еще всякие альянсы и конфедерации, но реальным влиянием пользовались лишь эти государства. И еще, пожалуй, Полис – единственное место, где еще старались сохранить цивилизацию. Там иногда даже устраивались общие собрания сталкеров, где сообща решались наболевшие вопросы.

Впрочем, ходили упорные слухи о легендарном Изумрудном Городе в подвалах здания МГУ, но подтверждения они пока не получили. «А интересно было бы как-нибудь снарядить туда экспедицию», – как-то подумал Крот. Хотя мысль эта уже приходила в голову кое-кому до него, но еще ни одной экспедиции не удалось к тому месту даже близко подойти, даже выяснить, стоит ли еще главный корпус или рухнул давно. Вдруг именно ему удалось бы? Говорят, эта, со шрамом, Кошка, одна из немногих женщин-сталкеров, водила туда отряд – но до легендарной высоты они не дошли, конечно. Из всего отряда один-единственный в живых остался, он и рассказал, как дело было. А если б не Кошка, то и он бы не вернулся. Правда, с ней связываться – себе дороже, уж больно нервная, кто знает, что ей в голову стукнет? Да и мужчин эта особа терпеть не может, ходят какие-то темные слухи про нее – будто в одиночку ей в туннеле лучше не попадаться. Странная логика у баб – значит, когда ее проводником нанимают, патронами расплачиваются, она безопасность обеспечивает, а когда сама по себе гуляет, у нее на пути лучше не становиться. Хотя причины для ненависти к людям у нее, судя по всему, имеются – она-то, говорят, не совсем человек, мутантка. И к представителям противоположного пола у нее свой счет – шрам на месте отрубленного лишнего пальца, изувеченное ухо. Но нельзя же всех под одну гребенку равнять, даже если какие-то уроды ее сильно обидели. Крот к мутантам относился как раз терпимо, его скорее смущало то, что женщина за мужскую работу берется. Отчаянная она, конечно, этого у нее не отнять. И все равно, не дело бабам с оружием наверх ходить.

Вздыхнув, Крот постарался сосредоточиться на проблемах сегодняшнего дня.

«Надо же, – размышлял он, – и впрямь интересная получается картина. На одной станции в одно и то же время собрались сталкеры Ганзы, Красной Линии, Полиса – чуть ли не всех основных держав. Только из Рейха кого-нибудь не хватает для полного счастья. Но эти шталкеры из Рейха, как их за глаза величают на Красной Линии, предпочитают держаться обособленно. Неужели и впрямь кто-то что-то важное раскопал в окрестностях? И всех нас послали с заданиями в одно и то же место?»

Кто-нибудь другой не увидел бы в этом совпадении ничего подозрительного, но Крот гордился своей интуицией, которая его практически никогда не подводила. А она подсказывала – неспроста его коллеги подтягиваются сюда, словно крысы, почуявшие добычу. Не случайна, ох, не случайна вся эта движуха. Правда, пока Крот мог только предполагать причину необычного столпотворения. В метро иногда подобное бывало – вдруг распространялся слух, что где-то нашли нечто ну очень, прямо позарез всем нужное: карту, на которой указан бункер с оружием, например, а может, склады продовольствия или топлива. Сарафанное радио разносило слухи, и державы слали своих разведчиков проверить. И сталкеры со всего метро спешили на поиски, стремясь опередить друг друга. Нередко, впрочем, слухи оказывались ложными, и потому в таких случаях потенциальные соперники старались сотрудничать между собой – по крайней мере, на первых порах, а там уж как фишка ляжет.

Кто-то хлопнул Крота по плечу. Тот вздрогнул, моментально обернулся, рука легла на рукоять ножа. Парень, так бесцеремонно привлечший к себе внимание, был ему незнаком.

– Чего надо? – неприязненно буркнул Крот.

– Ты, слушаем, не Крот?

– Ну, допустим, и что с того? – Крот нахмурился, разглядывая спросившего. Лицо у парня было вроде открытое, приятное, нос прямой, губы тонкие, брови вразлет, взгляд задушевный. Темные волосы коротко пострижены. Ничего особенного, но такие обычно нравятся женщинам. С другой стороны, обычное лицо – нет каких-то запоминающихся черточек, благодаря которым можно его выделить среди десятков других. Впрочем, может, оно и к лучшему. Говорит так, словно привык часто общаться с самыми разными людьми, – спокойно, без нервозности. Молодой совсем – видно, только-только третий десяток разменял. Одет, скорее, по-китайгородски – там братки предпочитают ходить в спортивных штанах и кожаных косухах. Впрочем, это еще не означает, что он тоже из бандитов, да и не похож на отморозка. А в глазах – какая-то затаенная горечь. «Видно, успел уже обжечься», – подумал Крот.

– Тогда привет тебе от Лодочника, добрый человек, – парень проговорил это, понизив голос и оглядевшись вокруг. Крот кивнул понимающе. Если это человек Лодочника, то дело другое. Лодочник был личностью легендарной. Прозвище свое он получил за то, что иной раз случалось ему спускаться вплавь на чем придется по реке Яузе от станции Электrozаводской, где он чаще всего обретался, почти до самой Москвы-реки, доставлять на Китай-город секретные грузы и загадочных пассажиров. Ходили слухи, что за ним стоят какие-то силы – влиятельные люди, чуть ли не тайная организация, что у него терки с шайкой викингов Вотана и что он необыкновенно везучий. По крайней мере, никто другой не рискнул бы проделать такой путь, а Лодочник знал реку как свои пять пальцев и, по слухам, чуть ли не подружился кое с кем из обитавших там монстров.

Вотана Крот и сам не очень-то любил, хотя оба они были с Ганзы. Вотан возглавлял группу егерей Ганзы – а по мнению Крота, шайку то ли сталкеров, то ли бандитов, носивших пафосные клички и занимавшихся отловом мутантов для полигона на Пролетарской. Платили за это, по слухам, более чем прилично, но многие сталкеры брезговали братья за такую работу.

– Что ж, Лодочника я знаю, – согласился Крот. – Тебя как звать-то?

– Федор, – чуть помедлив, негромко ответил парень. Словно сомневался, стоило ли называть свое настоящее имя.

– И чего тебе от меня надо? – поинтересовался Крот, справедливо рассудив, что привет был лишь вступлением к основному разговору.

– Слышал я, что ты за Пролетарку собираешься, в сторону Текстилей. Вот и подумал, что вместе было бы веселее.

Крот хмыкнул. «Еще один. Вот и этот туда же». Выяснять, откуда у Лодочника такая информация, было бесполезно. Похоже, Лодочник раньше самого Крота знал, куда тот намерен

направиться. Интересно, что же такое вдруг обнаружилось в тех богом забытых краях, раз даже этот старик, которого и сама смерть не брала, решил послать туда своего человека на разведку? Видно, интуиция Крота не обманула – всем сегодня требовалось попасть на Текстиля до зарезу.

– Что-то я раньше тебя не видел, – сказал он парню. – Давно наверх ходишь?

– Нет, недавно, – вздохнул тот.

– А чего ты там искать собрался, за Пролетаркой? – Крот не надеялся на ответ, на всякий случай спросил. Ответа и не было – парень пожал плечами.

– Лодочник мне сказал – посмотри там, поспрашивай. Мол, это будет твое задание. Он сказал, что мне самому и наверх идти необязательно – можно просто разузнать, что там нашли, и ему потом рассказать.

– Наверх идти все равно придется – от Волгоградки до Текстилей открытый перегон, – вздохнул Крот. В принципе, парень ему скорее понравился – шестое чувство подсказывало, что он не будет в тягость. Да только смущал этот рассеянный взгляд – словно тот говорит одно, а думает о чем-то своем, затаенном. Какие-то переживания его гложут – может, любовь неразделенная, кто его знает, дело молодое. А настоящий сталкер должен, когда потребуется, забыть все личное и сосредоточиться на том, что вокруг происходит, – иначе век его будет недолог.

– А с Лодочником давно знаком? – спросил Крот.

– Месяца полтора, – помедлив, ответил парень.

Крот вздохнул. И о чем только Лодочник думает – это ж не увеселительная прогулка, чтоб новичка посылать? Он слышал, что открытый участок между Волгоградкой и Текстилями короткий, но очень опасен – какие-то мутанты там завелись, и в ту сторону уже давно никто не ходит. Впрочем, Лодочнику-то чего печалиться – один помощник погибнет, он себе другого найдет. Может, он как раз хочет проверить своего парня в серьезном деле? Кстати, парень только имя свое назвал. Фамилия его Кроту, в общем-то, была без надобности, тем более что вполне могла оказаться вымышленной, но почти у каждого сталкера есть прозвище, которое зачастую характеризует его лучше, чем ксива какая-нибудь.

– А погоняло у тебя какое? – поинтересовался Крот.

– В смысле? – не понял парень.

– Ну, как тебя свои называют?

– А-а, – сообразил парень. – Так и зовут – Федей. По имени.

И снова отвел глаза.

Крот вздохнул. Значит, парень и впрямь совсем еще зеленый. Даже прозвища не заработал пока. Вот так погибнет – и знать не будешь, как помянуть. Да и вообще непонятно, с чего вдруг он за такую работу взялся? Ну, не вязался его вид с представлением Крота о типичном сталкере. Парень был бы похож, скорее, на какого-нибудь клерка с Ганзы – если одеть его попримечнее. Нет, конечно, каждый сталкер был когда-то новичком, никто не становится сразу матерым разведчиком. Однако новичков отличает обычно азарт, блеск в глазах, желание скорее проявить себя в деле, а этот какой-то вялый – ни рыба, ни мясо. Как-то покажет себя в опасных условиях?

– Я там не бывал ни разу, за Волгоградкой. Да и на Пролетарке не бывал, – смущенно сознался Федор.

– Я тоже не бывал... после Катастрофы, – пробормотал Крот. – Что ж, пойдем вместе. Пожалуй, мы с тобой договоримся. Только сдается мне, не мы одни туда собираемся. Видел я тут еще кое-кого из нашей братии. Надо бы почву прошупать. Ты где остановился?

Вопрос был, скорее, риторическим. Паренек кивнул в сторону гостиничного комплекса.

– Тогда вечером приходи в столовку, – сказал Крот. – Я там кое с кем уже забил стрелку.

Зайдя в свой номер, Крот растянулся на узкой кровати, покрытой вытертым, но относительно чистым байковым одеялом.

Ему было грустно. Где-то в том направлении, куда им предстояло отправиться, лежал его родной район. Там он родился и рос до того, как приключилась Катастрофа. Похоже, из всей семьи уцелел он один, потому что именно в тот день ехал к деду в центр. И хотя Катастрофа открыла ему новые возможности (он столкнулся с умными людьми, которых никогда не узнал бы в прежней жизни), Крот отдал бы многое, чтоб вернуть время назад. Никогда до сегодняшнего дня он не пытался сходить за Пролетарку – слишком многое было у него связано с теми местами раньше, слишком больно было думать, что творится там теперь. Да и делать в тех краях было нечего – в центре ходить было куда интереснее и прибыльнее, там дома стояли тесно, и подчас в квартирах находилось много полезного. А чем ближе к его родному району, тем чаще встречались промзоны, пустыри, где нечего было ловить. Если чего там и было в изобилии, то разве что мутантов.

Однако теперь он должен вернуться туда, такое он получил задание. Мог, конечно, отказаться, но не стал.

Когда ближе к вечеру сталкер заглянул в столовую, все были уже там. За отдельным столиком сидел Федор, прихлебывая брагу и задумчиво ковыряясь в тарелке со слегка пригоревшим свиным шашлыком. «Парень, однако, не дурак поесть», – отметил про себя Крот. Неподалеку от него в углу устроились трое – Литвин, Следопыт и худенькое создание в костюме защитного цвета и надвинутой на глаза бейсболке. Следопыт что-то яростно втолковывал Литвину, тот слушал, время от времени досадливо морщась. Казалось бы, этот худой бледный человек тоже не слишком похож был на охотника, но чувствовалось – он отлично осознает, кто он и где и чего хочет от жизни. Он весь был как туго натянутая струна. Крот взял себе пару лепешек, порцию грибов и кружку браги и подошел к оживленно беседовавшей компании.

– Как жизнь? – поинтересовался он.

Литвин молча показал большой палец. Следопыт неопределенно пожал плечами. Крот осторожно покосился на существо в бейсболке – с первого взгляда можно было решить, что это худенький парнишка. Неужели в последний момент планы красных изменились и послали другого? Крот пригляделся повнимательнее – слишком тонкие запястья высовываются из просторных, не по размеру, рукавов, слишком длинные ресницы, плавные движения. Значит, все-таки девушка, – верно доложили разведчики. Она сидела, скромно потупившись, однако брагу прихлебывала. В тарелках у красных лежали обугленные, скрюченные крысиные тушки. «Мог бы девчонку получше кормить, жмот, – бледная она чуть ли не до зелени, долго так не протянет. Не избалованная, видно. Вон как на крысу налегает – обглодала чуть ли не дочиста», – подумал Крот и вздохнул. На вечно голодной Красной Линии экономить старались на всем.

– Плохо тебе платит товарищ Москвин, – посочувствовал он Следопыту, – на шашлык даже не хватает.

– Хочешь поговорить об этом? – напрягся Следопыт.

– Ну, полно, – примирительно протянул руку Крот, – давайте лучше выпьем, и к делу.

Он поднял кружку и торжественно произнес:

– Ну, за тех, кто уйдет на поверхность этой ночью. Пусть будет им удача, пусть не попадутся они мутантам в зубы, пусть вернутся с добычей.

За это грех было не выпить. Тост объединил всех сидящих, и даже Следопыт словно бы подобрел.

– Федор, – позвал Крот, – давай к нам.

Следопыт нахмурился.

– Это тоже наш человек, я его знаю, – успокоил его Крот, не уточняя, давно ли они успели познакомиться.

– Теперь за тех, кто ушел в туннели и не вернулся, – произнес Литвин, которому также известны были традиции. Все выпили в молчании. По-хорошему, пить за ушедших полагалось с непокрытой головой, но девушка бейсболку не сняла. «Шифруется, все правильно, – подумал

Крот. – Наверняка ни Литвин, ни Федя ни о чем не догадываются, думают, что это парень. Вот и ладно, пусть подольше так думают». Увидев, что девчонка грустит над остатками крысы, словно бы случайно подвинул ближе к ней одну из своих лепешек, старательно отгоняя предположение, что пекут их тут из опилок. Девушка, протянув тощую руку в цыпках, царапинах и заусенцах, с не слишком чистыми ногтями, быстро схватила угощение, кинула на сталкера признательный взгляд. Глаза у нее оказались карими, а лицо было усыпано рыжими конопушками. Опустив голову, она вгрызлась в лепешку. Ее начальник, казалось, ничего не заметил, а Крот поздравил себя с удачным началом. Девушка была его заданием. Ему надо было присматривать за ней, а заодно и присмотреться, что она из себя представляет. Не мешало подружиться с ней, чтоб облегчить себе задачу.

«Красные идут на Кузьминки, – сказала ему начальство. – Надо узнать – зачем? Ходят слухи, что в лесопарке там что-то интересное обнаружили. Твоя задача – проверить эту информацию. А заодно – присмотреться к девчонке, которая идет с ними. Она может оказаться полезной».

Тем временем тосты помогли всем настроиться на нужный лад, сидящие за столом осознали себя частью единого сталкерского братства – теперь можно было поговорить и о деле.

– Я рад, что мы все тут встретились, – сказал Крот, почти не покривив душой, – и сдается мне, нам есть, что обсудить. Похоже, нам по пути?

– Не факт, – сказал вредный Следопыт.

– Если я правильно понял, – гнул свою линию Крот, – дорога предстоит трудная. И лучше нам всем быть заодно.

Литвин кивнул. Федор тоже согласно хмыкнул.

– Интересно девки пляшут! Давайте сперва выясним, – сказал Следопыт, – а то, может, нам всем в разные стороны.

– Сталкеры Красной Линии не любят показываться на Ганзе. Их можно здесь встретить, только если у них дела в этих краях, – заметил Крот.

– Раз уж ты разговор начал, почему бы тебе первому не открыть карты? – поинтересовался Следопыт.

– Ладно, – вздохнул Крот, – что, если я скажу, что отправлюсь отсюда в сторону Пролетарки?

– Тепло, – кивнул Следопыт, словно в детской игре.

– Но вы же меня знаете, – продолжал Крот, – я не из тех, кто ловит мутантов для наживы. Значит, на Пролетарке, на полигоне, делать мне нечего. И я пойду дальше – к Волгоградке.

– Еще теплее, – сказал Следопыт.

– Ну, а там, опять же, делать нечего – там одни вольеры. И значит, путь мой еще дальше – на поверхность. За Волгоградкой, как все знают, открытый участок, – Литвин кивнул. – А дальше – три станции: Текстильщики, Кузьминки, Рязанский проспект. Потом опять открытый участок, станция Выхино – на поверхности. А там вроде еще какие-то недостроенные станции, но это уж ближе к Люберцам. В те края никто, насколько я знаю, не хаживал, да и мне там делать нечего. Так вот, получается, – он сделал паузу, – что надо мне на Текстили.

– Совсем тепло, – сказал Следопыт. Федор замер, весь превратившись во внимание.

– Ну, если так, – сказал Крот, – может, объединим усилия? Место на отшибе, кто там живет, как гостей встречают – нам неведомо.

– Я слышал, вроде, что на Текстилях живут, а бывать не доводилось, – кивнул Литвин.

– В общем, есть ли жизнь за Волгоградкой или нет – науке об этом ничего не известно.

– Ладно, сказал «А», говори и «Б», – стукнул алюминиевой кружкой по липкому столику Следопыт. – Ты ведь на Текстилях останавливаться не собирался?

– Правда твоя, – согласился Крот, – я собирался дальше идти. – И, помедлив, уточнил: – В Кузьминки.

– Горячо, – сказал Следопыт. – Очень горячо.

– Я так и думал, что не ошибся, – задумчиво сказал Крот. – И еще мне кажется, что наводку туда получили не мы одни. Видел я тут кое-кого еще из нашего племени. Известную личность.

– Неужто Хантера? – иронично, но с долей сомнения предположил Следопыт.

– Размечтался, – хмыкнул Крот. – Где мы, и где Хантер.

– Может, Вотана?

– Вотан с его шайкой северных богов пока здесь не обнаруживался, хотя, возможно, мы еще встретим его банду на Пролетарке. Нет, видел я одну красотку со шрамом, чье имя лучше не называть без надобности.

Сталкеры многозначительно переглянулись.

– А кстати, что-то я не вижу Айрона Медного, – повернулся Крот к Следопыту.

Следопыт скривился. Айрон был его удачливым соперником, занозой в глазу.

– Ты же знаешь его – он все делает по-своему. Его тоже отправили с нами, но, видать, заплутал по дороге, разминулись. А кстати, не попадался тут никому этот трепач, Сафроненко?

Литвин тихонько, но отчетливо хмыкнул.

Крот пожал плечами. Только Сафроненко тут не хватало. Задание вроде бы было секретным, хотя еще немного – и оно перестанет быть тайной для коллег. Но это полбеды – а вот присутствие здесь Сафроненко означало бы, что на секретность можно вообще забить – все их планы тут же стали бы известны всему метро.

– Если бы здесь был Сафроненко, я бы и гильзы пустой не дал за то, что удастся сохранить все в секрете, – заявил он. – Но его физиономию мне тут видеть сегодня не доводилось.

Следопыт вздохнул с облегчением.

– И все-таки, – поинтересовался он, – вот пришли мы, к примеру, на Кузьминки, а дальше – что? Чего вы там искать-то собираетесь?

– То же, что и ты, – обтекаемо сказал Крот.

– Там много интересного, – задумчиво сказал Литвин. – Начать с того, что это белое пятно на карте: вроде живут там люди, а чем и как – толком не известно. Меня, например, просили разузнать, что и как, чтобы этот пробел восполнить. И еще кое-что меня там интересует, но об этом – потом.

– Так, глядишь, к завтрашнему дню как раз договоримся, – одобрительно сказал Крот. – Так и быть, скажу и я – мне на парк наводку дали.

Следопыт кивнул, подтверждая, что и ему в те края.

– А что искать-то велели? – тихонько поинтересовался Крот. Но Следопыт решительно пожал плечами, показывая, что сейчас в обсуждения вдаваться не намерен. Федор тоже сделал невинное лицо, а девушка, сидевшая возле Следопыта, вообще сделалась почти незаметной. Но у Крота создалось впечатление, что кто-то знает, зачем все это. И молчит. «Ладно, потом выясним», – подумал он.

– Значит, на том и порешим – объединить усилия. Надо еще придумать, что говорить местному начальству, если вдруг мы всей толпой туда заявимся. А то это будет выглядеть подозрительно.

– Даже если мы заявимся туда поодиночке, это тоже будет выглядеть подозрительно. У них, небось, места глухие, каждый новый человек на виду. Тем более, я слышал, туда теперь почти никто не ходит из большого метро, – сказал Литвин.

– Согласен, – буркнул Крот. – Но поодиночке нас перебить легче.

– Карта есть у кого-нибудь? – поинтересовался Следопыт.

– У меня есть, – сказал Крот, – но старая.

Он бережно расстелил на столе потрепанную, запаянную в полиэтилен карту, следя, чтоб не попасть в лужу браги.

– Осторожней, не изгваздай, – буркнул он Следопыту, – раз уж тебя товарищ Москвин картами не снабжает.

– У меня схема метро есть, – обиделся Следопыт.

– И что нам твоя схема? Вот у меня тут все видно – за Волгоградкой открытый участок, потом Текстильщики, Кузьминки, Рязанский проспект.

– Текстильщики? – переспросил Федор. – Это что, мутанты?

– Вообще-то это станция такая, а что?

– Да нет, ничего, – смутился парень. – Просто мутанты, которые возле Электrozаводской живут, называются похоже. Не слышали – прядильщицы?

– Я про удильщиков слышал, – покачал головой Литвин.

– Не будем отвлекаться, – сказал Крот. – Мне кажется, текстильщики – это те, кто одежду делает. Но не уверен.

Он вновь склонился над картой, продолжая бормотать себе под нос:

– Рязанский помечен как обитаемый.

– А Текстиля и Кузьминки? – встрял Следопыт. – Там тоже живут.

– Не знаю, тут ничего не написано.

– И что тогда толку от твоей карты?

– Я ж говорю – старая карта, – озлился Крот, – новая дорожка стоит. Вот сами там побываем – я своей рукой пометку сделаю. Может, это уже заброшенные станции. Хотя, если верить народу – я тут уже кое с кем потолковал, – есть там люди, только в большое метро они почти не ходят и сами гостям не особо рады. Вот Рязанка точно обитаема. А потом опять открытый перегон – значок радиационной угрозы.

– Ну и что, – съязвил тут же Следопыт, – тебе и без карты каждый дурак скажет, что на поверхности радиационная угроза.

– Выхино помечена как заброшенная – ничего удивительного, она ж наземная, – не обращая на него внимания, продолжал Крот, водя грязным ногтем по полиэтиленовой пленке. – А дальше Лермонтовский проспект, Жулебино – их, кажется, и достроить-то не успели, но это нам уже однофигственно.

– Их вроде почти достроили, только открыть не успели. Может, там тоже люди есть, – сказал Следопыт.

– Мы сейчас не об этом, – буркнул Крот.

– В общем, давайте договоримся, когда выходим, – предложил Литвин.

– Нам два перегона до Волгоградки, а оттуда – еще перегон до Текстилей, самый сложный. Открытый участок, кажется, и километра не составит, зато пройти его будет труднее всего. Думаю, если выйти после завтрака, мы успеем еще отдохнуть на Волгоградке перед тем, как отправляться вечером на поверхность. Если никто не боится шума и вони – там же вольеры.

– А туннели-то здесь не опасные? – поинтересовался Федор.

– Да вроде нет. Только на Пролетарке и на Волгоградке, вокруг этого полигона и вольеров много всякой швали ошивается. Поодиночке там неприятно ходить, а группе, думаю, не сделают ничего.

– Идет, – сказал Следопыт. – Значит, к завтраку чтоб все здесь были. Пошли, – кинул он спутнице и направился к выходу.

Вслед за ними отправился и Литвин.

– Ну что, все понял? – спросил Крот Федора. – У тебя снаряга-то есть? Химза там, намордник?

– Да, я как следует собрался, – кивнул Федор.

– Ну и отлично. Смотри, не просп. Ждать долго никого не будем.

«Да, – подумал Крот, вернувшись в свой номер, – ну и поход у нас намечается. Двое из пятерых – новички. Интересно, мы хоть до нужной станции сумеем дойти без потерь?»

Он слышал рассказы о подобных экспедициях – в тот же Изумрудный город, например. Бывало, что отправлялся отряд из пяти человек, а обратно возвращался один. Иногда вообще никто не возвращался – пропадали без вести.

* * *

Утром, спустившись к завтраку, Крот обнаружил в столовой Следопыта с девушкой, лицо которой по-прежнему скрывал козырек бейсболки, согревавшихся грибным чаем. Вскоре явился и Федор, а последним пришел Литвин с опухшей и помятой физиономией.

– Ну и слышимость тут в номерах, – буркнул он вместо объяснений, – полночи соседи заснуть не давали.

Он торопливо влил в себя порцию грибного чая, страдальчески морщась, и тут же вскочил:

– Ну что, пошли, что ли?

– Присядем на дорожку, – сказал Крот. Литвин снова поморщился, но опустил обратно на пластиковый стул, а Следопыт и Федор послушались охотно – видно, тоже уважали эту примету. Глядя на них, села и девушка. Этот обычай был еще не самым странным – у большинства сталкеров были свои способы, иногда очень чудные, заговоры, амулеты, ритуалы, чтоб приманить удачу. Когда смерть караулит на каждом шагу, поневоле станешь суеверным.

Мимо важных пограничников в сером ганзейском камуфляже сталкеры прошли на Таганскую-радиальную, куда менее парадную и гораздо хуже освещенную. Здесь уже не было ни люстр, ни лепнины, украшением служили лишь параллельные коричневые полосы на толстых белых пилонах примерно на высоте человеческого роста, длинный станционный зал с круглым закопченным сводом был уставлен рядами палаток. Крот отметил, что Федор без особого удивления мельком оглядел станцию, словно ему уже случалось бывать тут не раз, зато спутница Следопыта чуть шею себе не свернула, разглядывая все вокруг, – будто впервые попала за пределы Красной Линии. Крот снисходительно усмехнулся. Вскоре, миновав очередной блокпост, сталкеры углубились в туннель.

На Пролетарской настроение у Крота сразу испортилось. Станция с ободранными бетонными стенами, на которых виднелись следы от пуль, и полом в бурых разводах пропахла кровью и смертью. В середине платформы уходили вверх ступени – переход на другую станцию. «Кажется, Крестьянская застава», – вспомнил Крот. Некоторые колонны служили опорами для широких двухъярусных помостов, предназначенных для охотников. Они были предусмотрительно защищены крупноячеистой сеткой, а кое-где – и колючей проволокой. Во время охоты стрелки могли чувствовать себя в безопасности и спокойно выбирать подходящую цель среди мечущихся по залу мутантов. «Забавы для богатых», – сплюнул себе под ноги Крот. Он считал не зазорным лишить жизни тварь в порядке самозащиты, но убивать просто так ни за что бы не стал. Ты попробуй одолеть монстра в его родной стихии, в честном бою один на один – тогда слава тебе и хвала. А убивать тварей, как скот на бойне, – это отвратительно, такие забавы не для настоящих мужчин.

Вот потому-то Крот и не любил Вотана, который со своей шайкой отлавливал мутантов для этой жестокой забавы. И хотя, казалось бы, точно так же Крот должен был ненавидеть самих охотников, заказчиков, он об этом не думал – что с них взять, с убогих, так можно было перевести его мысли. Зато брезгливо относился к Вотану, бравшемуся ради мзды за любую дурно пахнущую работенку. Хотя, если подумать, Вотану и его егерям доставалось самое трудное – отлов. Впрочем, Крот старался не показывать своего отношения, хотя ему казалось, что Вотан догадывается, но только посмеивается про себя.

Крот оглядел отряд: Литвин разглядывал плохо замытую кровь на полу, следы от пуль на стенах, встречавшихся ему служителей так брезгливо, словно по ошибке попал в загон к

свиньям. Следопыт мрачно обозревал станцию, явно тоже не одобряя того, что здесь творилось. Федор не выглядел особо удивленным, но на лице его явно читалось желание поскорее покинуть это неприятное место. Девушка побледнела чуть ли не до зелени.

– Смотри, запоминай, набирайся впечатлений, – буркнул Крот. Она хотела что-то ответить, но непроизвольно приложила руку ко рту, словно ее тошнило.

Вдоль иссеченных пулями голых бетонных стен бродили непонятные личности в военной форме, видимо имевшие отношение к полигону, – что-то осматривали, негромко переговаривались. Вотана среди них не обнаружилось, но знакомого сталкера все же встретили. Беседовавший с кем-то полноватый мужчина обернулся и расплылся в улыбке:

– Мать честная, кого я вижу! Какие люди – и без охраны! Крот, бродяга, ты ли это?

– Здорово, Деревянный! – с искренней радостью заорал Крот, на душе полегчало. Уж если с ними будет такой фартовый сталкер, то им и сам черт не брат. Удачливый охотник, циник и пьяница, Айрон Медный был гордостью Красной Линии и одновременно – ее позором, по мнению товарища Москвина. Его не трогали пока лишь потому, что толковые сталкеры и так были наперечет. Он и держался соответственно, позволяя себе разные выходки. Крот знал, что Медный должен был сопровождать Следопыта, но, видно, это задание было ему не по душе, а отказаться он не мог, зато предпочел дожидаться напарника здесь, а не на Таганке, чтоб хоть нервы ему слегка потрепать в отместку.

– Здорово!

Они обнялись, долго хлопали друг друга по плечам, трясли друг другу руки. К этому человеку Крот испытывал необъяснимую симпатию, точно так же, как антипатию – к Следопыту. Казалось бы, Айрон должен был раздражать его своим видом и поведением – но Крот чувствовал в нем что-то глубинное, настоящее. Про таких говорили: «Я бы с ним пошел наверх».

Остальные терпеливо ожидали, пока бурные приветствия закончатся. Самое интересное, что Следопыта и его спутницу Айрон словно бы не замечал, а у Следопыта была такая рожа, будто кислого хлебнул. Крот решил, что они еще дома успели намозолить глаза друг другу, тем более внешность у Айрона была довольно своеобразная, а уж для Красной Линии – тем более. Он ходил в потрепанной косухе, судя по всему, сделанной еще до Катастрофы, шароварах и остроносых сапогах с многочисленными заклепками. В ушах и в носу его торчали многочисленные металлические колечки. Отросшие полуседы волосы он собирал резинкой в хвост на затылке. Его руки, спину и грудь украшали многочисленные татуировки.

– И какими судьбами вы тут? – поинтересовался Айрон, понизив голос. – Что свело тебя с этим недоумком? С этим Чингачгуком недоделанным, явно не наигравшимся в индейцев в детстве? – И он неприязненно покосился на Следопыта. – Я вас, вообще-то, еще на Таганке заприметил. Думаю – ба, знакомые все лица! И чего все собрались, как по заказу, – домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают?¹

– Чего? – удивился Крот.

– Забей, – махнул рукой Айрон.

Крот кивнул – Айрон слыл человеком образованным и часто говорил непонятно. Он решил, что от Айрона можно не скрывать задание, – глядишь, окажется, что и сам он кое-что слышал.

– Мы все наводку получили на одно место, – пояснил он.

– Дай, угадаю, – посерьезнел Айрон. – Не на Кузьминки ли?

– Откуда знаешь? Ты тоже?

– А то, – хмыкнул Айрон. – Вот, думал, разведую спокойно обстановку. Но раз уж вы тоже всей толпой туда направляетесь, есть смысл объединить усилия, чтоб друг другу не перебегать

¹ А.С. Пушкин. «Бесы».

дорогу и лбами не сталкиваться. Хотя я бы с этим чудилой, воображающим себя великим охотником, не то что в разведку не пошел бы – даже на поле рядом бы не сел, если б не ты. Но тут еще один момент – откуда мы знаем, как там отнесутся к пришельцам из большого метро? Что там вообще творится? Станции на отшибе, может, там полно всякой швали, которой надо временно скрыться и залечь на дно. В таких местах лучше держаться сплоченно. Странное это место – три станции оказались оторванными от остального метро. Я эту ветку не очень хорошо знаю, но еще до Катастрофы угораздило меня пару раз в час пик оказаться на Выхино – мама моя! Чуть в ключья не порвали. Там ведь рядом железнодорожная станция, народу тьма-тьмущая валила оттуда в подземку. Но то дела давно минувших дней, как говорится, – он помрачнел.

«Весело нам будет, – подумал Крот, – это ж надо, чтоб сталкеры с одной линии так не ладили между собой. Может, не поделили чего в свое время?» Но от такого соратника отказываться не стоило, и Крот кивнул:

– С тобой, думаю, дело пойдет на лад. А чего там искать-то будем, ты не в курсе?

Айрон помрачнел:

– Темнит руководство что-то. Я так понял, о каком-то бункере речь идет. Откуда в парке бункер?

– Да кто ж его знает, – философски отозвался Крот, – наше дело маленькое. А не знаешь, Вотан и его команда с нами не собираются?

– Не, – покачал головой Айрон, – говорят, и так дел навалом. Только думаю я – они мигом помчались бы туда, будь дело верным и прибыльным. А то – пойдешь туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

– Вот и мне так кажется.

Посплетничав о коллегах еще немного, они вернулись к остальным.

– Пошли, я тут кое-кого знаю, – предложил Айрон, – перекусим перед дорогой, а то рано еще наверх.

Он привел остальных к костру, возле которого сидел мрачный мужик в грязном синем ватнике и изодранных штанах, то и дело ворошивший палкой угли. Над огнем висел котелок. Айрон предложил всем достать кружки и принялся разливать жидкий грибной чай. Мужик не обратил на это никакого внимания – скользнул по ним равнодушным взглядом и снова отвернулся.

– Они Живчика убили, – сказал он вдруг хриплым голосом.

Сталкеры с изумлением уставились на него. Айрон сочувственно кивнул:

– Да, жаль его. Сволочная у тебя работа, Миша.

– Кому он мешал, Живчик? Когда клетку открыли, он думал – кормить будут. Поиграть хотел. Он добрый был. А они в него – из автоматов. И гогочут.

– Эх, Миша, уходить тебе надо отсюда, – сказал Айрон. Мужик непонимающе посмотрел на него и снова уставился в огонь.

– Ну, давайте о походе потолкуем, – сказал Айрон. Крот показал глазами на Мишу, но Медный только пожал плечами:

– При нем можно говорить, его наши дела не интересуют. В общем, так. Мы не знаем, что творится на Текстилях и с чем мы можем там столкнуться. Приходил оттуда, говорят, не так давно сталкер один. Ну, то есть, пару лет назад примерно, как я понял. И, в общем, не порадовал – наверху, по его словам, такое творится, что он еле ноги унес, чуть живой в метро припелся, долго потом откачивали, в чувство приводили. Все в курсе, наверное, что после Волгоградки открытый перегон? Так это еще полбеды. Там, говорят, в туннеле какая-то фигня со светом.

– Освещения нет, что ли?

– Если б просто не было. Оно там какое-то... само по себе. Живое. И вредное. Морок, в общем.

– Что за чушь?

– Как мне сказали, так и объясняю, – насупился Айрон. – Но, думаю, все вместе пройдем как-нибудь.

– Знамо дело, аномалия, – примирительно вздохнул Следопыт, – ничего, прорвемся.

– Может, просто коротит? – снисходительно предположил Литвин. Все посмотрели на него с сомнением – такая версия казалась слишком простой.

– Еще говорят, герма там разломана возле выхода в открытый туннель. Была там когда-то герма и пост. А сталкер, который там проходил, сказал – герма разломана, от поста рожки да ножки остались, причем, судя по всему, довольно давно. А вдоль открытого перегона мутанты теперь живут. Там, где автомобильный завод раньше был.

– Ясное дело – наверху везде мутанты.

– Нет, эти вовсе жуткие.

– Знаю, – неожиданно вмешался Литвин, – там был раньше автомобильный завод имени Ленинского Комсомола, выпускал примерно до девяностых годов прошлого века автомобили «Москвич». Потом, в начале двухтысячных, обанкротился, здание выкупили французы и начали производить свои машины «Рено».

– Ничего себе, – с уважением протянул Крот, пораженный такой дотошностью. Он и сам в прежние времена видел из несущегося вагона метро длинное разноцветное здание с непонятными буквами по фасаду и знал, что фирма имеет отношение к автомобилестроению. Но его поразило, что даже сегодня кто-то мог сообщить такие подробности, казалось бы, уже никому не интересные. М-да, автомобили – когда-то Крот завидовал их владельцам и давал себе слово, что, когда вырастет, обзаведется собственной блестящей и стремительной красавицей. А теперь вон они, ржавеют наверху, никому не нужные, – выбирай любой. Крот даже держал для себя пару штук в схроне на всякий случай, но пользовался ими редко – дороги наверху пришли в негодность, были завалены обломками зданий, взрыты корнями деревьев, редко где можно было свободно проехать.

– Люблю историю, особенно историю Москвы, – с достоинством пояснил Литвин, – это, кстати, не такие бесполезные знания, как кажется на первый взгляд. А про мутантов этих я тоже слышал. Их здесь называют красотками. Думаю, они вроде мутантов с Филевской линии. В смысле, тоже бывшие люди. С такими всегда сложнее, они более непредсказуемые, к тому же озлобленные.

– Поцелуй меня, красотка, – легкомысленно промурлыкал Айрон. Следопыт посмотрел на него неодобрительно.

– Ты что, не смотрел до Катастрофы этот фильм? На восьмое марта все время показывали – про Золушку голливудскую? – и Айрон что-то запел, легкомысленное, но непонятное, Крот разобрал только: «Йе-е-е».

– Посмотрю я, как ты запоешь, когда с красотками повстречаемся, – съязвил Следопыт. Федор заинтересовался:

– Амазонки, что ли? Я слышал про амазонок.

– Если бы. Амазонки – те же бабы, а это... Говорит, они перепутанные все, покореженные – мышцы как канаты. А на лицо – красивые. Пока близко не подойдешь. А зубищи – мать моя. Как пасть раскроет – жуть. И главное, они быстрые, ловкие – приспособились, видать. У обычного человека против такой шансов нет.

– Как же сталкер тот прошел?

– Он сам удивлялся. Говорит, луна на них подействовала. Они были в трансе, ни на что не реагировали. Так он и проскочил. Да он бы туда и не сунулся без крайней надобности – ему для жены лекарства какие-то редкие нужны были позарез.

– Луна, – почесал в затылке Крот. – Кто знает, далеко до полнолуния?

– Не, на это лучше не надеяться. Может, красотки эти в полнолуние и впадают в спячку, зато остальная нечисть, наоборот, просыпается.

– Эх, ладно. Попробуем поладить с красотками. Раньше мне это удавалось.

Крот оглянулся, увидел ужас на конопатом лице девушки в бейсболке и ободряюще подмигнул ей.

Постовые на выходе с Пролетарской резались в карты, сидя на мешке, набитом цементом. Пахло брагой. На сталкеров они посмотрели, как на ненормальных.

– Вы чего, мужики, совсем спятили? Топайте обратно, пока не поздно.

– А что?

– Там лучше не ходить. Электричество там плохое.

– Света нет, что ли? Ничего, у нас фонарики с собой.

– Да не, вредное оно. Мозги выжигает.

– Да ведь там вольеры. Значит, ходит туда кто-то, – Крот кивнул на копошившегося неподалеку мужика в ватнике.

– Так этим-то что будет? У них и выжигать нечего, – хмыкнул патрульный.

– Ну, и мы как-нибудь, – успокоил его Айрон. Патрульный с сомнением посмотрел на него.

– Дело ваше, а я предупредил.

Он икнул, вытащил из-за пазухи флягу и сделал глоток. Еще сильнее запахло брагой. Перехватив взгляд Крота, он кивнул:

– Только так и лечимся – работа вредная у нас. И вам, кстати, советую.

Крот покачал головой.

– Ладно, ступайте, страдалыцы, – буркнул размякший патрульный, – ежели что, помянем вас. Да, там еще где-то пост был, в туннеле. Как дойдете туда, не пугайтесь. Ребята до сих пор там лежат. Не по-людски, конечно, – он вздохнул, пригорюнился, – надо бы похоронить как следует.

После такого напутствия все как-то притихли. В туннеле и впрямь не было света, лишь где-то впереди мерцала одинокая лампочка. Крот, шедший впереди, вдруг почувствовал беспричинную тоску. Может, и правда зря он на все это подписался? На жизнь ему хватило бы и так. Однако дело было не только в заработке. Каждое задание сулило что-то новое, неизвестное, заставляло кровь быстрее бежать по жилам – вот за это он и любил свою работу.

Но здесь и вправду дышалось тяжело... а вот какие-то обломки валяются. Крот посветил фонариком – на шпалах пятна засохшей крови. Лохмотья, что-то белеет из-под них. Кто-то дрался здесь не на жизнь, а на смерть. Лампочка впереди, вспыхнув последний раз, погасла, и воцарилась сплошная темнота. И в этой темноте слышалось лишь чье-то шумное дыхание – если бы Крот не знал, что это Айрон, он решил бы, что их след взял какой-нибудь зверь.

– Да, не райское местечко, – сказал сзади Литвин.

И от звуков человеческого голоса Кроту сразу полегчало.

– Пошли скорее, – буркнул он.

Лампочка вдруг вспыхнула снова, будто бы кто-то вдруг решил включить свет, и все застыли, озираясь. Сзади зажглась другая – теперь отряд был на виду. Казалось, чьи-то внимательные глаза изучают сталкеров.

– Эй, кто тут есть – выходи! – на всякий случай окликнул Крот.

Тишина. Но лампочка впереди замигала, словно стараясь передать какое-то сообщение. Крот слышал, что есть азбука световых сигналов (или звуковых, кто его разберет), но почему-то ему показалось, что в смысл этого сообщения лучше не вникать – если в этом послании из ниоткуда вообще был какой-либо смысл. Сталкер старательно гнал от себя мысли о призраках, обитающих в туннеле и старающихся что-то сказать живым.

– Ну, чего стоим, кого ждем? – нарочито грубо буркнул он. – Пошли, что ли?

И отряд двинулся в путь. Сперва шли медленно, озираясь на каждом шагу, но постепенно осмелели, прибавили шагу.

Волгоградский проспект возвестил о своем приближении невероятной вонью. Но сталкеры сразу повеселели – возле вольера наверняка кто-то дежурит, с кем можно словом перекинуться.

– Ну, если это и была световая аномалия, то не понимаю, чего все так пугаются, – самоуверенно произнес приободрившийся Литвин.

– Не надо об этом, – хмуро сказал Айрон.

– Рано радоваться, – поддержал его Крот. – Люди зря болтать не станут. Нормально прошли – и ладно.

Они поднялись на станцию, с обеих сторон которой тянулись ряды огромных клеток, затянутых провололочной сеткой. К счастью, большинство клеток были пустыми. Обитатели остальных либо спали, свернувшись клубком и закопавшись в вонючую подстилку из опилок, либо апатично лежали, не обращая внимания на людей. Кроту запомнился стигмат с мордой, похожей на череп, – он вообще выглядел, как карикатура на человека. Мутант методично кружил по клетке на четвереньках, а увидев проходящих, застыл и одарил их нехорошим взглядом.

– Ну, чего встали! – вызверился на них неизвестно откуда взявшийся мужик в ватнике с изодранными в клочья рукавами и толстых штанах. – Счас мне все зверье перебаламутите – учуют они запах человеческий и начнут беспокоиться.

– Слышь, мужик, а красотки у тебя тут нет? Хотя глянуть бы, какая она.

– Ишь, чего захотел. Красотки все на Таганке остались. Здесь твари одни.

Кроту показалось, что стигмат улыбнулся.

В следующей клетке сидел огромный пес, проводивший сталкеров почти человеческим взглядом, полным смертной тоски. От этого взгляда Кроту стало не по себе. Встретившись с ним глазами, пес вдруг поднял голову и завыл.

– А, чтоб тебя, – замахнулся на него служитель, но было поздно. Вой подхватили другие обитатели клеток, и вокруг началось что-то невообразимое. Некоторые мутанты кидались на решетки, какое-то существо тянуло сквозь прутья костлявые лапы и старалось зацепить проходящих. Сталкеры прибавили шагу, девчонка вдруг схватила Крота за руку. Тот ободряюще кивнул ей. Уже почти вошли в туннель, а девушку все еще трясло.

– Давайте договоримся, в каком порядке пойдем, – предложил Крот.

В итоге первым опять оказался он, замыкающим – Айрон, а Следопыта и обоих новичков определили в середину.

Возле последнего поста потолковали с охранниками, которые покрутили пальцами у виска, уверяя, что здесь уже несколько лет не ступала нога человека.

– Ну вы, ребята, на всю голову больные. Там же блуждающие огни. Нашли, куда соваться. Имена хоть напишите – кого поминать-то потом?

– Не дождетесь, – буркнул Крот.

– Там ближе к выходу из туннеля еще одна герма была, – посерьезнев, сказал начальник караула. – Если дойдете до того места, поглядите, что там и как. Ясно, что в живых никого не осталось, но хоть родным на память, может, чего захватите. А может, записку ребята оставили?

Крот старался отогнать дурные предчувствия.

– Все, давайте облачаться – впереди открытый перегон, – сказал он, стараясь не глядеть на бледные лица новичков. Кажется, до них начинало доходить, что прогулка будет не развлекательной.

Глава 2

Призрачный свет

Гермоворота Волгоградского проспекта захлопнулись у них за спиной – отрезали путь назад. Сталкеры, уже облаченные в химзу и противогазы, постояли в молчании, оглядываясь. Было темно и тихо. Вот покатился со стуком камешек – крыса пробежала, или еще кто. Звук не страшный, привычный. «Если бы тут затаился кто-нибудь покрупнее, произвел бы больше шума», – попытался успокоить себя Крот. Следопыт сделал вперед шаг, другой, третий.

– Вот оно, – вырвалось у него.

Слабый отблеск света пробежал по стене, порождая тени, которые тут же словно бы начинали жить своей жизнью. Потом – тьма, и вновь блеснул свет.

– Это просто проводка барахлит, – неестественным голосом гулко сказал из-под маски Литвин.

– Угу, – чересчур быстро согласился Медный.

Спутница Следопыта молчала. То ли онемела со страху, то ли, наоборот, не поняла ничего.

Эти всполохи были даже красивы, и Крот несколько секунд любовался ими – а потом вдруг понял, что идти дальше ему не хочется. Ему пришлось сделать усилие, чтоб вспомнить, зачем он вообще здесь оказался. Он двинулся было вперед – но каждый шаг давался с трудом, словно приходилось преодолевать сопротивление ставшего вдруг плотным сгустившегося воздуха. Так и тянуло полежать, отдохнуть. С памятью творилось что-то странное – недавние впечатления совершенно забылись, зато всплывали какие-то смутные воспоминания детства, казавшиеся с такого расстояния милыми и яркими, словно обертки от конфет. Казалось, кто-то, включавший и выключавший свет, разглядывал эти безделушки вместе с ним – а потом отбрасывал за ненадобностью, и они навсегда пропадали в холодной тьме. Детский праздник в парке, поездка на машине с Колькой и его родителями, вылазка на Арбат тайком от мамы – не так уж много было этих цветных кусочков в мозаике его детства. И теперь кто-то стремился все забрать себе – а что ему останется? Наваливалась странная апатия – зачем сопротивляться, пусть забирают. А он словно постепенно погружался во тьму – еще немного, и его самого не останется в этом мире. Так вот она, аномалия, а в туннеле между Пролетаркой и Волгоградкой были просто перебои со светом, теперь он понял это. Но ведь проходил же здесь кто-то, значит, и они смогут?

– Вперед, – яростным шепотом приказал Следопыт и первым шагнул, за ним – девушка. Айрон начертил в воздухе какой-то знак и тоже устремился во тьму. Держась за стену, упрямо, хоть и медленно, переставлял ноги Федор. Литвин вдруг рухнул на колени, Крот, опомнившись, с трудом добрался до него, помог подняться. Сбоку послышалось шипение. Крот обернулся – лампочка, висевшая на истершемся проводе, слабо мерцала. В ее вспышках ему вновь почудились сигналы – предостережение, предсказание? «Умреш-ш-шь», – словно бы разобрал он в потусторонних звуках. Крот проследил взглядом провод и ничуть не удивился, когда тот внезапно оборвался. Лампочка, казалось, существовала сама по себе. Она завораживала, манила. Крот рассеянно следил за тенями, сплетающимися в странном танце.

Время замедлялось, становилось вязким, тягучим и, наконец, вовсе остановилось. Оглянулся Айрон – видно, тоже почувствовал что-то. Крот сделал над собой усилие, потянулся к оружию, хотел было покончить с мороком, выстрелить в чертову лампу, но испугался – кто знает, какие силы могут проснуться, да и мутанты местные, возможно, заинтересуются. Хотя они должны, по идее, бояться света, но могли и привыкнуть. Рука налилась свинцовой тяжестью и безвольно опустилась. А потом Крот почувствовал, что в нем образуется вакуум – черная пустота словно бы высасывала его, старалась растворить в себе. Треклятые тени вились

перед глазами, не давали сосредоточиться. «Мама», – сказал чей-то слабый голос совсем рядом, и Крот попытался вспомнить мать, но лицо ее словно таяло в тумане. Крот слабо сопротивлялся черноте, чувствуя, что постепенно уступает ей, сдается – вот-вот, и она поглотит его, переварит.

Рядом кто-то отчаянно матерился. Крот пытался найти какие-нибудь веские причины, чтобы сопротивляться, стремиться выжить, – и не находил. Матери давно нет, он один, никому ничего не должен и ни за кого не в ответе. И не нужен он никому. Темнота нашептывала, как сладко поддаться сну и спать, спать... Все равно уже ничего не осталось, лишь горстка выживших еще нарушает иногда тишину туннелей – но это ненадолго. Они скоро тоже сгинут, и будет здесь раздаваться лишь вой мутантов да шум ветра. Ветер... откуда тут ветер, в туннеле? Эта мысль показалась дельной, но сталкер не успел ее додумать, она моментально ускользнула. Крот понял, что пропадает, он искал в памяти хоть какое-нибудь воспоминание, за которое можно зацепиться, но не находил – все было окрашено серым. И вдруг перед глазами словно вспыхнуло пламя. Он увидел рыжие волосы, тонкое бледное лицо, развевающееся платье. И в душе стала разгораться спасительная злость. Он не сдастся так легко, не даст заманить себя в темноту.

Крот оглянулся – рядом Айрон разводил руками, словно стремясь поймать кого-то невидимого, Федор прижался к стене, что-то неразборчиво бормоча. Литвин стоял, пошатываясь. Крот чертыхнулся. Он надеялся, что хоть этот выдержит, но, похоже, их умника тоже скрутило не на шутку. Один Следопыт упрямо двигался вперед – и девушка, как ни странно, не отставала от него. Но создавалось впечатление, что они топчутся на месте.

– Идти надо, – сказал Крот Литвину.

– Ага, – вполне разумно отозвался Литвин, и Крот в первый момент почувствовал облегчение. Но тот продолжал:

– Конечно, помню этот фильм, там был еще истребитель вампиров, у которого потом обнаружилась дочь-самозванка. Но девушку-то он так и не сумел спасти. Т-с-с, вон они, видишь? Надо подпустить их поближе, чтоб стрелять наверняка.

Крот схватился за голову. Потом он увидел, что и Следопыт сидит на шпалах, пытаясь навести автомат на невидимого врага. А его дергает за рукав девчонка, пытаясь поднять.

– К бою! – орал Следопыт. – Фашисты не пройдут. Смерть Четвертому Рейху!

«Как бы он нас тут всех не перестрелял», – подумал Крот.

– Дядя Вася, нет тут никого, пошли, – умоляла девушка, каким-то чудом сохранившая присутствие духа.

– Молодец, держись, – крикнул Крот. Собственный голос показался ему слабым и неуверенным – тогда он выругался и схватил за плечо Айрона, тряхнул:

– Пошли! Не время киснуть! Нас еще красотки ждут!

Айрон как будто слегка пришел в себя, двинулся вперед, сперва пошатываясь, потом все более уверенно. Тогда Крот занялся Федором, который сначала вяло упирался, но потом позволил себя тащить. Следопыт поднялся сам, отмахиваясь от теней, словно от роя насекомых. Девушка, убедившись, что к командиру вернулся рассудок, поплелась за ним. Литвин, точно вдруг спохватившись, тоже устремился вперед. Морок вдруг словно развеялся сам по себе, оставив лишь тягостное воспоминание. Лампы кое-где еще слабо мерцали, но их вспышки были уже не опасны для людей.

Крот, оглядываясь, таща Федора, торопливо догнал остальных, тем более что шедший впереди Следопыт замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Сталкеры собрались вокруг него, разглядывая искореженные обломки гермоворот, словно вырванные рукой великана, остатки пулеметного гнезда, какие-то тряпки, сапог, покрытый вроде бы запекшейся кровью. Разбросанные мешки с песком свидетельствовали о тщетной попытке преградить путь внутрь неведомым силам.

– Эх, сложили ребята буйны головы, – пробормотал Следопыт, отдавая дань мужеству неизвестных дозорных.

Еще несколько шагов – и сталкеры увидели над головой звезды в просветах туч. Им удалось добраться до открытого участка перегона, соединявшего Волгоградку и Текстили. Крот, сколько раз ни поднимался наверх, всегда боялся и ждал этого момента – когда над головой вместо низких сводов распахнется бескрайняя ширь, в которой можно утонуть. Он застыл на месте, привыкая, оглядываясь по сторонам. Оба новичка, судя по всему, тоже были ошарашены, растерянно крутили головами. Следопыт, держа автомат наизготовку, оглядывал толстые стены, огораживающие пути. Отряд находился во рву, по дну которого были проложены рельсы, тускло блестящие в свете луны. На покатых склонах зеленела трава в рост человека, в которой то и дело что-то подозрительно шуршало. По правую руку возвышалась кирпичная будка с замурованным входом. Айрон подобрал камень, кинул вбок, и тут же какие-то мелкие зверьки – а может, огромные насекомые – кинулись врассыпную, и лишь качавшиеся стебли травы обозначали их продвижение. Крот показал ему кулак; сам он напряженно вглядывался вправо, туда, где впереди, как он помнил, находилось здание заброшенного завода. Пока ничего разглядеть не удавалось – мешала стена, в которой кое-где видны были проломы. Вполне возможно, их проделали те же твари, что населяли теперь ближайшие руины. Сталкеры настороженно оглядывались по сторонам еще несколько минут, но казалось, все было спокойно. Как договорились заранее – первым на этот раз шел Айрон, за ним – Следопыт, его спутница и Литвин, а замыкающим поставили Крота.

По ограждающим рельсы стенам змеились, переплетаясь, толстые провода, наверху виднелись обрывки колючей проволоки. За стенами буйно разрослись кусты, нависая над дорогой, местами их верхушки смыкались, а то и переплетались, и получался зеленый туннель, в котором тоже шла своя жизнь – гигантские слизни, не спеша, объедали зеленые листья. Дальше воздвиглась земляная насыпь, которую прорезал туннель, но короткий, длиной всего несколько метров, – наверху проходила в этом месте какая-то дорога. На выходе из туннеля перед путниками внезапно со стуком упал сверху на рельсы жук размером с тарелку. Насекомое лежало на спине, и ножки его слабо шевелились. Крот вздрогнул от омерзения, глядя на сгибающиеся и разгибающиеся черные конечности, слегка зазубренные, снабженные раздвоенными коготками на концах. Если бы он был без химзы, такая лапка, мимоходом задев, могла содрать полоску кожи. Сталкер увидел, как нервно шарахнулась спутница Следопыта, – совсем, видно, нервы сдали. Правда, Крот тут же устыдился своих мыслей, вспомнив мужественное поведение девушки в туннеле с взбесившимся электричеством, где все они потеряли голову.

Чуть впереди был виден еще один мостик, перекинутый через пути, – металлический, выкрашенный когда-то в серый цвет. Краска до сих пор почти не облупилась. Когда прошли под ним, дорога постепенно пошла вверх, и вскоре рельсы оказались уже практически вровень с улицей, проходившей параллельно путям. Справа, точно гнилой зуб, торчал массивный бетонный обломок. Кроту вдруг показалось, что за ним кто-то прячется, но сталкер решил, что это ему померещилось. Стена, огороженная колючей проволокой, стала ниже, и сталкеры уже различали здания по сторонам. Слева за стеной параллельно рельсам пролегалo шоссе, забитое заржавевшими остовами машин. Там были и фуры, и легковушки, и троллейбусы. За ним угадывались в темноте очертания зданий. Самое ближнее имело очень странную форму – словно стеклянный куб, в котором спереди сделано квадратное углубление. Его пересекала надвое вертикальная стеклянная труба, опоясанная посередине кольцом, – ни дать, ни взять, гигантский градусник, торчащий в стеклянной подставке, какие Крот видел в лазарете. Рядом маячило здание, похожее на огромный стеклянный перевернутый основанием вверх конус-гриб, залихватски накренившийся на один бок. Кроту почудилось возле него какое-то движение – может, лунные лучи играли в стеклянных окнах. Заглядевшись, сталкер чуть не забыл

об осторожности. Протяжный вой, раздавшийся совсем недалеко, мигом вернул его к действительности. Отряд заторопился.

Крот обшаривал взглядом окрестности – вон и длинное здание завода показалось справа. Что-то похожее на большую обезьяну легко вскарабкалось по стене и исчезло в одном из окон. «Черт, – подумал он, – неужели заметят?» До него долетел странный крик, что-то среднее между воем и стоном. Отряд тут же остановился, руки потянулись к оружию.

– Не стрелять, – приглушенно скомандовал Айрон. – У них слух, говорят, отменный. Если набежит толпа красоток, нам уже никто не поможет.

И, помедлив, сказал:

– Вперед! Авось успеем.

Ночь была ветреной, шумела листва окружавших дорогу кустов – наверное, это сыграло им на руку. Их, кажется, пока не засекли. Оказалось, что открытый участок был вовсе не таким уж длинным, – и вскоре они вновь вошли под своды туннеля. Здесь было много мха и причудливых грибов, вокруг швыряли гигантские многоножки – жутковатые, но, по сути, безобидные существа. Довольно быстро они добрались до гермоворот, видимо отделяющих станцию от окружающего мира. Айрон посветил фонариком – сбоку на стене обнаружилась кнопка. Поколебавшись, он надавил изо всех сил. Потом принялся стучать, стараясь не производить сильного шума, но никто не отозвался: ворота были заперты, по-видимому, ими давно уже не пользовались. Поход был под угрозой – хоть обратно возвращайся.

– Точно, вспомнил, мне говорил один, что герму тут закрыли наглухо, – сообщил вдруг Следопыт.

– Не судьба была раньше сказать? – выверился Крот, – как теперь быть-то? С той стороны вроде вход есть, но до него еще дойти надо.

Они вернулись к выходу из туннеля и стали оглядываться вокруг, стараясь понять, где здесь пролегают тропинки, проложенные людьми. Сталкер увидел у входа в туннель на облупившейся белой стене намалеванную черным стрелку, указывавшую налево, и решил, что это, возможно, указатель. Не мутанты же ее нарисовали?

– Господи! Неужели наверх лезть? – простонал он.

Оглядевшись, Крот обратил внимание на проржавевшую металлическую лестницу в два пролета, поднимающуюся по стене, разделявшей туннели. Он же первым осторожно полез по ней вверх, с сомнением пробуя ногой ржавые ступеньки, – хоть высота и не так велика, а вниз загреметь не хочется. Два лестничных пролета, словно чудом, держались на стене – наверное, в свое время они были предназначены для ремонта коммуникаций. Остальные члены отряда стояли внизу, ждали.

Сталкер вскарабкался по лестнице, едва не грохнувшись вниз, лихо перекинул ногу через какую-то невысокую изгородь наверху, махнул рукой – мол, долез благополучно, и огляделся. Ну-ка, куда это мы попали? Вдаль уходили рельсы в несколько рядов, то сходясь, то расходясь. Ну да, здесь же еще железная дорога пролегает. А в метро-то где вход? Тем временем снизу показалась голова следующего – видно, внизу устали ждать. Это оказался Литвин. За ним ловко вскарабкалась спутница Следопыта, потом Федор, сам Следопыт и последним – Медный. Видно, его нарочно оставили под конец, чтобы остальные не пострадали, если бы лестница рухнула под его весом.

Крот поглядел вправо – там под путями проходил туннель. Наверняка можно было бы попасть на ту сторону более легким путем, если бы не треклятые красотки, которые мерещились ему уже чуть ли не за каждым кустом. Хотя в туннели лучше не соваться – мало ли, вдруг какой-нибудь мутант устроил там свое логово. Пауки, например, очень любят в таких местах гнездиться.

Слева, наоборот, шел крутой подъем, кусты, какие-то лестницы с перилами, вдоль которых лепились то ли сараи, то ли бывшие торговые палатки, – уже не отличить было одно от

другого. Крот зацепился за колючую проволоку, досадливо выругался – понаставили, понимаешь, капканов на белого человека.

Наконец удалось вскарабкаться по склону, и Крот оказался на обочине широкого шоссе. Теперь укрытиями могли служить разве что заржавленные автомобильные остоны. Крот объяснил остальным, что надо двигаться короткими перебежками, и первый подал пример. Сначала вроде все шло нормально, но вдруг сбоку ему почудилось движение. Сталкер в панике вломился в открытую дверь ближайшего авто, рухнул на полусгнившие подушки и застыл, надеясь, что не заметят. Хотя надежда была слабая – большинство мутантов обладало отменным нюхом. «Только бы не красотки», – мысленно взмолился он.

Некоторое время ничего не происходило, тогда он осторожно повернул голову – и разглядел источник напугавшего его шума. Небольшое существо остервенело что-то грызло неподалеку, яростно ворча. Решив, что для него эта тварь особой опасности не представляет, Крот повернул голову в другую сторону. На соседнем сиденье он увидел мумию. Водитель сидел, навалившись на приборную доску. «Ведь совсем рядом с метро, – подумал почему-то Крот, – как же он не успел? Стало плохо по пути, и умер, чуть-чуть не добравшись до спасительного убежища? Или к тому времени герму уже закрыли, потому и остался здесь?»

Сталкер спохватился, вспомнив, что время идет. Он осторожно выглянул из своего укрытия, ища остальных. И совсем рядом увидел притаившегося Следопыта, а чуть поодаль – девушку. Обнаружился и Айрон, который метнулся вперед, к следующей легковушке. За ним тот же путь проделал Федор. Крот догнал их, а вскоре присоединились и Следопыт со спутницей. Крот разглядывал асфальт, ища какие-нибудь путевые знаки, но ничего не нашел и начал подозревать, что та стрелка на стене была намалевана для отвода глаз или вообще означала что-то другое. Впереди над дорогой нависал крытый мост-переход с одной стороны на другую.

Пока они раздумывали, что-то неуловимо изменилось вокруг. Крот огляделся – месяц все так же освещал развалины, но теперь они не выглядели такими уж мертвыми. Вот что-то зашевелилось неподалеку – трепещет на ветру куст или движется кто-то высокий, выше человеческого роста? Айрон, видно, тоже что-то почувствовал и беспокойно озирался по сторонам, лишь девушка стояла спокойно – кажется, она не понимала, чего все так засуетились, а может, наоборот, была в шоке. «Все-таки есть у бывалых сталкеров какое-то чутье, предупреждающее об опасности», – подумал Крот. Он занервничал – ему казалось, он уже отчетливо видел три темных силуэта выше человеческого роста, двигавшихся к ним как раз со стороны бывшего завода. А они все еще не могли сообразить, куда им теперь идти, чтобы попасть на станцию.

Айрон с Кротом устроили короткое совещание. Медный сказал, что по правую руку он видел палатки, где, судя по остаткам вывесок, когда-то торговали цветами, сувениркой и прочей дребеденью, а это – верный признак, что вход на станцию метро совсем рядом. И в общем, оказался прав, только они все равно еле-еле этот вход обнаружили – заветные двери почти затерялись в ряду других, ненужных, – каких-то бывших кафешек и киосков. Да еще когда сталкеры сунулись в одну из дверей, их встретили неприветливым рычанием – похоже, там устроила логово собака. Они пулей вылетели обратно – к счастью, преследовать их никто не стал.

Спустившись по ступенькам, они снова оказались перед гермоворотами, но теперь Крот воспрянул духом – видно было, что среди мусора проложена тропинка, что люди здесь ходят регулярно.

Сталкеры посоветовались, затем Крот осторожно нажал на видневшуюся сбоку кнопку. В двери открылся глазок, и некоторое время кто-то рассматривал их с той стороны.

– Кто там? – наконец раздался откуда-то из-под потолка глухой голос.

– Свои.

– Свои все дома сидят, – наставительно сказал голос и, помолчав, добавил: – А чужие здесь не ходят.

– А стрелки для кого нарисовали? – не утерпев, поинтересовался Айрон. – Для мутантов?
– Мы – сталкеры, из метро, – крикнул Крот.

– Кто вас разберет. Ходят тут всякие, – апатично отозвался голос.

Айрон на всякий случай выставил перед собой сталкерские корочки, хотя сомневался, что сквозь глазок их можно разглядеть.

– Пустите нас, мужики, – крикнул Крот.

– А чего вы сюда явились? Чего вам у себя не сиделось? – поинтересовался голос.

– Да вы боитесь, что ли? Я не могу через дверь разговаривать. Честное слово, мы плохого не задумали. Хотите оставить нас тварям на съедение?

– Сколько вас? – апатично поинтересовался голос.

– Пятеро! – крикнул Крот и тут же сообразил, что впопыхах он кого-то забыл, кажется.

– Ладно, ща, подождите, – флегматично отозвался голос.

Минуты текли одна за другой, а они все стояли под дверью. Видимо, обладатель голоса ушел консультироваться с руководством – ему-то что, он-то был внутри, в безопасности, это они снаружи. Крот нервничал, озирался – ему мерещились человекообразные создания, подбиравшиеся к ним все ближе, укрываясь за ржавыми автомобилями.

Когда сталкеры уже почти потеряли надежду, ворота со скрипом отворилась.

– Входите по одному, медленно, – снова раздался голос выше, – оружие складывайте у двери, потом вам его вернут. Первая дверь направо.

Они оказались в предбаннике. За правой дверью обнаружилась тесная душевая, выложенная кафелем. Когда сталкеры зашли туда, из ржавых леек, укрепленных на потолке, хлынула вода. Чахлые струи смывали радиоактивную пыль – по крайней мере, путешественникам хотелось на это надеяться. Пройдя, таким образом, хоть какую-то обработку, направились в следующую дверь – судя по всему, там была оборудована раздевалка – и принялись стягивать противогазы, химзу. В помещении клубился пар, и все же Крот заметил, что кого-то не хватает. Он окинул взглядом раздевалку – вот Айрон в вытянутой толстовке и штанах защитного цвета, с намечающимся уже брюшком, досадливо потирает ухо. Когда он стягивал противогаз, чуть не вырвал из уха серьгу. Вот Федор в выцветшей черной футболке и спортивных брюках. Вот девушка поправляет рыжие кудри, прежде спрятанные под бейсболкой, в глазах такое выражение, словно еще не отошла от пережитого ужаса. Крот невольно залюбовался ею. Но тут Айрон обернулся, увидел девчонку и присвистнул. Видно, его не сочли нужным посвятить в тайну, и он думал, что Следопыт взял очередного парнишку на стажировку.

Девушка тут же напряглась, напялила свой головной убор, оглянулась, встретилась взглядом с Кротом, досадливо поморщилась и отвернулась.

«Ладно, – подумал Крот, – просто больше не будем брать ее наверх, пусть на станции сидит. Вон как она от жука шарахнулась – а если попадется кто пострашнее жука, так и вовсе в обморок упадет. Какая же она худенькая, бледненькая – ну да на Красной Линии много таких, у них там вечно еды не хватает! Красавицей не назовешь, пожалуй, но лицо приятное, носик тонкий, аккуратный. Вот только рот широковат, пожалуй – как у лягушонка». Рыжие волосы что-то напомнили сталкеру... что-то давно забытое, но сейчас некогда было разбираться с этим.

Айрон фыркнул: «А у нас, оказывается, своя красотка есть». Девчонка вздрогнула.

– Да ладно тебе, – буркнул Крот, – ты что-то с теми красотками, наверху, знакомиться не спешил.

– Их там слишком много, – фыркнул Айрон. – Кроме того, как я слышал, они чересчур жилистые – не в моем вкусе.

– Предупреждать надо было, – обернулся он к девушке. – Поход-то тяжелый намечается. Если б я знал, что Следопыт тебя с собой потащит, я б тогда лучше один пошел или с ним вон, – он кивнул на Крота. – У нас здесь, знаешь ли, не курсы кройки и шитья.

– А я вообще-то не скрывалась, – огрызнулась девчонка, обида будто добавила ей храбрости. – Если б ты спросил, кто я, сказала бы.

– Чего я должен был спрашивать? Проверить перед выходом, нет ли среди нас переодетой женщины? – возмутился Медный.

– Я не переодевалась нарочно! Может, мне надо было в юбке по туннелям ходить, чтоб за парня не приняли? – чуть не заплакала девчонка. – И вообще, я не с вами пошла, а с командиром.

Айрон, вздохнув, отчески положил руку строптивнице на плечо, но та от неожиданности нервно шарахнулась от него.

– Не бойся меня, малышка, я не кусаюсь, – увещевал он. – Только мне кажется, зря тебя взяли с собой. Тебе нужно бы домой, к маме.

– Мама умерла. Спасибо, что напомнил, – сверкнула глазами рыженькая.

– Ну ладно, извини, не хотел обидеть, – развел руками Медный. – Но ты и возрастом не вышла, похоже. Ты не думай, я к женщинам в принципе неплохо отношусь, но каждый должен знать свое место. Я б лучше тебя обратно отправил, только куда ж теперь? Поздно. Хотя это не мое дело, пусть твой командир за тебя отвечает. Ты не первая и не последняя, кто рвется в бой. Я таких много повидал – и где они теперь, догадайся. Тех, кто уцелел, из кого и впрямь что-то получилось, по пальцам пересчитать можно. Да только я знаю, что отговаривать в таких случаях практически бесполезно. Разбирайтесь сами. На самом деле меня в данный момент больше интересует, где твой начальник. Где этот вождь апачей? Этот не наигравшийся в детстве в индейцев уникум?

Девчонка передернула худыми плечами, хотела поглубже нахлобучить бейсболку, но уронила ее на кафельный пол. Вспыхнула от досады. И тут же Федор, все это время молчавший, быстро поднял ее нехитрый головной убор и почтительно протянул девушке. Та просияла, поблагодарила улыбкой. «Ну и ну, вот Федя дает, – подумал Крот, – а впрочем, он прав, чего Медный накинулся на девчонку? Следопыт ее привел, он за нее и отвечает».

По имевшейся у него информации, девчонку хотели сплавить от глаз подальше. Как сказали Кроту, она была дочерью какого-то важного лица, да только не от законной жены. И теперь с ней возникли какие-то сложности. То ли сама она начала некстати проявлять характер, то ли какой-то неподходящий ухажер у нее появился. Но девушка пока невольно вызывала у сталкера симпатию – она не выглядела капризной и избалованной, скорее – затравленной и испуганной. Да и руки ее были в заусенцах и царапинах. Это вселяло надежду, что растут они у девчонки из нужного места.

Крот заглянул в душевую – Следопыт все еще стоял там, хотя вода уже еле капала. «Уходим», – гаркнул Крот так, что Следопыт вздрогнул от неожиданности. Пока он раздевался, Айрон ехидно бурчал, что, видно, на Красной Линии совсем плохо с водой, раз Следопыту так понравилось принимать душ на халяву. Впрочем, Крот решил, что Айрон просто старается скрыть нервозность от не особенно теплого приема. Следопыт, присоединившись к компании, сразу понял, что произошло, – заметил и смущение девушки, и возмущенную физиономию Айрона. Но ничего объяснять не стал, а разбираться с ним было уже некогда. Возможно, он нарочно задержался в душе, чтоб на нем не успели сорвать недовольство остальные. Крот подумал, что наверняка он и научил девчонку прятать лицо под козырьком бейсболки да помалкивать, пока не доберутся до места, – чтобы избежать лишних пересудов и нежелательного внимания. В общем-то, это был не первый случай, когда девушка путешествовала по метро под видом парня, но мало кого такие походы до добра доводили – Крот слышал несколько подобных историй.

Они прошли в следующую дверь. За ней сталкеров встречала целая группа вооруженных мужчин. Крот внимательно разглядывал бледные худые лица – похоже было, что питаются здесь тоже впроголодь. Одеты были кто во что горазд – кто в старом пальто, кто в ватнике, кто

даже в пуховике, несмотря на летнюю ночь. Правда, обувь у всех была относительно крепкой – добротные ботинки, у кого-то даже сапоги. А вот оружие тоже было самое разное – от старенького АКМ и пистолета Макарова до охотничьего ножа.

– Вот так встреча, – попытался Айрон разрядить обстановку. Это не помогло – лица мужчин оставались непроницаемыми.

– Вы кто такие? – спросил мужик с багровым лицом, нехорошо блестя глазами.

– Сталкеры мы.

– Ах, сталкеры, значит, – мужик ухитрился вложить в это слово массу оттенков, в том числе и презрительных. – Видал я таких сталкеров. Бандиты вы самые настоящие – уж я-то на них насмотрелся, меня не проведешь.

Крот оглянулся. Пожалуй, мужика можно было понять. Айрон со своими татуировками и стриженный Федор в кожанке и впрямь выглядели подозрительно.

– С нами – женщина, – процедил побледневший Литвин.

– Ну и чего? – отреагировал мужик. – Это для отвода глаз. У бандитов такие подруги бывают – еще хуже мужиков.

Айрон вытащил сталкерские корочки, но и это не помогло.

– Чего ты мне ксивой своей тычешь – бумажку тебе и я нарисую, какую хошь. Знаю я таких сталкеров, навидался. А вот поставлю вас щас к стенке – и поминай, как звали, – он поднял автомат. – Чего вы тут ходите? Чего вынюхиваете? Мы к вам не лезем – и вы не шляйтесь. Ходили уже такие – всех в цемент закатали.

– А ты меня не пугай, я пуганный, – зловеще процедил Айрон. – Храбрый ты – с безоружными воевать.

Путники переглянулись. Поход готов был закончиться, толком не начавшись. Литвин еще сильнее побледнел. У Следопыта заиграли желваки на щеках. Рыженькая, упрятавшая волосы под бейсболку, казалось, не дышала. И тогда Крот, у которого перед лицом опасности откуда-то взялось и спокойствие, и рассудительность, хладнокровно сказал мужику:

– Валяй, попробуй, поставь к стенке. Только не пеняйте потом на себя, если придет из большого метро уже целый отряд и сравняет вас с землей. Камня на камне не оставит от станции вашей.

Он конечно же блефовал – вряд ли кто-либо потрудится расследовать их исчезновение. Скорее решат, что сталкерам за риск и платят, и предоставят собственной судьбе. Но, видимо, слова его прозвучали вполне убедительно.

– Товарищ Москвин вам покажет, как красным сталкерам препятствия чинить, – подхватил побагровевший Следопыт.

– Ага, щас. Видали мы таких, – буркнул злобный мужик, но уже не так уверенно. Он обратил, наконец, внимание на фуражку с красной звездой. Да и упоминание товарища Москвина явно сделало свое дело – счел нужным вмешаться другой, до тех пор молчавший.

– Ладно, Сёма, полегче. Может, и правда сталкеры.

И, повернувшись к пришельцам, мирно сказал:

– Батька Семен у нас контуженный, оттого и нервный немного. Здесь знаете сколько всякой швали одно время шлялось – только успевай отбиваться. Теперь, когда мутанты завелись, уже никто особо не суется, они нас вроде как охраняют. Но старожилы прежние времена еще помнят.

– Хорошо же вы гостей встречаете, – все еще не мог успокоиться Айрон.

В сопровождении местных сталкеры вышли в туннель и довольно быстро, поднявшись по ступенькам, оказались в зале станции Текстильщики.

Глава 3

Резервация

Станция Кроту не очень понравилась – стены были из серых замызганных пластиковых панелей, впрочем, в верхней части был выложен ряд разноцветных прямоугольников. Всем своим видом станция словно говорила – вот и мы тоже постарались приукраситься, как могли. Многие панели треснули, кое-где и отвалились, а чинить их, видимо, никто не спешил. Четырехугольные колонны щеголяли металлическими рейками на углах. Крот заметил ряды разномастных палаток, на некоторых красовались живописные пестрые заплатки. Казалось, здесь встали табором цыгане. Тут и там под ногами лежали когда-то красивые, но сильно истершиеся ковры – словно жители после Катастрофы натащили себе первого, что под руку попало, а потом махнули рукой на благоустройство, и теперь все постепенно ветшает и приходит в негодность. «Может быть, последнее время стали реже наверх ходить – из-за мутантов. Неохота уже людям жизнью рисковать из-за хабара», – решил Крот.

Люди, попадавшие навстречу, в основном, женщины неопределенного возраста, исподлобья окинув взглядом прибывших, тут же спешили дальше. Однако Крот отметил для себя, что одеты здешние жители не в лохмотья. Женщины, даже пожилые, щеголяли цветастыми платьями или накинутыми на плечи цветными платками, вдетыми в уши блестящими сережками, словно стараясь перещеголять друг друга пестротой наряда. Может быть, так они старались компенсировать серость подземной жизни? Хотя и бледные, они вовсе не выглядели изнуренными. Мужчины предпочитали просторные мешковатые штаны и теплые толстовки.

Казалось, никто не обращает на пришлых особого внимания, и в то же время Крот чувствовал – их исподтишка изучают. От этого становилось как-то неприятно. «Что ж они тут такие зашуганные», – подумал он. Сталкеру было не по себе. Впрочем, к чужакам обычно везде относились настороженно – а тут целая группа явилась в гости. Однако он бы чувствовал себя спокойней, если бы вокруг собралась толпа, откровенно дивясь на посторонних, а эти взгляды исподлобья, любопытные и вместе с тем неприветливые, выводили из равновесия. Видимо, здесь не особо жаловали пришельцев из большого метро – а почему, так сразу было не разобратся. Возможно, имели место какие-нибудь неприятные случаи, когда жителям приходилось оборонять свое добро от гостей.

Добра, к слову, особого заметно не было. Станция, видимо, жила по принципу «в хозяйстве все сгодится». Попадались Кроту на глаза самые разные предметы – ржавые ведра, алюминиевые каркасы, автомобильные покрышки. Их, видимо, здесь особенно любили – при помощи фантазии и ножа некоторые из них были превращены в подобие круглых чаш, внутри которых тоже валялся всякий хлам, а возле одной палатки Крот с изумлением увидел вырезанную из такой же покрышки птицу с длинной шеей. Хотя, казалось бы, при желании возможностей украсить станцию у жителей было навалом – наверху, в пустых квартирах, наверняка осталось полно всякого барахла – мебели, посуды. Может, обитателям станции нравилось мастерить что-то самим, а может, ими двигала ностальгия. Ведь наверняка такие же самоделки украшали когда-то их дворы.

Комендант расположился в подсобном помещении. Здесь было немного уютнее – в выложенной кафелем комнате на полу лежал почти новый красный ковер с каймой, стоял массивный овальный стол и несколько продавленных красных кресел, покрытых накидками из линялой ткани в мелкий цветочек. Крот внимательно разглядывал сидевшего перед ними за столом мужчину лет пятидесяти с залысинами, с невыразительным лицом, устало потиравшего лоб рукой. На нем была добротная длинная и теплая куртка цвета хаки, но, несмотря на это, он как-то поеживался, словно его постоянно знобило. Выглядел он донельзя замученным, но внимательно оглядел прибывших.

– Из большого метро, значит? Давненько не было у нас никого оттуда. Что ж, будем знакомы, Федор Николаевич я, – он выжидательно оглядел гостей.

– Красный следопыт Василий, – лихо отчеканил Следопыт.

– Медный, – отрывисто буркнул Айрон. Комендант поднял бровь, но переспрашивать не стал. Видимо, решил, что это фамилия.

Крот, Федор и Литвин представились тоже, а Искра молчала, опустив голову.

– А красавица эта женой кому-то из вас приходится? – поинтересовался комендант. Искра вспыхнула.

– Это – мой стажер, – отчеканил побагровевший Следопыт.

– Странные у вас там порядки в большом метро, – сделал вывод комендант. – Слава богу, сами-то мы туда не ходим с тех пор, как полигон на Пролетарке устроили для ганзейцев зажавшихся, – тьфу, это ж надо додуматься было, пакость какая! Что там Ганза – все богатеет?

Айрон неопределенно кивнул.

– Сами-то из каких будете? – комендант с подозрением оглядел экипировку прибывших.

– Сталкеры мы, отец, – пояснил Айрон Медный. – Кто откуда – я вот с Красной Линии, они тоже, – ткнул он в Следопыта и его спутницу. – Сталкеров в метро везде беспрепятственно пропускают, потому как нужное для всех дело делаем. Некому будет наверх ходить – и придется одними грибами со свинойной питаться.

Комендант хмыкнул:

– Дело-то нужное, да только слышал я, что вы такие цены заламываете на продукты – не каждому по карману.

– То уже торговцы – челноки да перекупщики, а мы не зарываемся, – возмутился Айрон. – А потом, нам-то жизнью рисковать приходится, – это тоже учитывать надо.

– У нас на станции тоже разведчики есть, – вздохнул комендант, – но теперь мутанты совсем обнаглели, все чаще приходится к кузьминским на поклон идти, а им ведь тоже отстегивать надо. Хотя, казалось бы, могли бы выручить по-соседски. Вот и живем между двух огней – с одной стороны мутанты, с другой – жадные соседи, еще неизвестно, что хуже.

– Как в резервации, – вырвалось у Литвина. Комендант некоторое время смотрел на него ничего не выражающим взглядом, потом снова уставился на Айрона.

– А что, у красных теперь как у блатных мода – картинки на себе рисовать? – ехидно поинтересовался он.

Впрочем, расчет Айрона оправдался – при упоминании о красных комендант смягчился.

– Да шучу я – не похожи вы на блатных, уж я-то их навидался. Как сами мутантов-то прошли? Ходил у нас как-то в ту сторону один отчаянный за лекарствами – страху натерпелся, говорит.

– Да уж, – сказал Литвин, – к вам так просто не попасть. Гермоворота из-за мутантов замуровали?

– Ясное дело, – вздохнул комендант. – Крайними мы оказались – и кто только к нам сюда не лезет. А уж как они иной раз по ночам воют – даже сквозь герму слышно. Такие концерты устраивают. Хорошо хоть, они все больше в развалинах завода кучкуются, видно, считают его своей территорией – ну, и перегон открытый заодно. А за ограду редко суются. Хотя все равно наши добытчики боятся, наверх уже не выходят здесь, через Кузьминки идут и с тамошними делятся. А они еще косо смотрят – словно мы их обираем. Ведь всякому ясно – то, что наверху, принадлежит тому, кто первый найти успел. Да уж, подгадили нам эти мутанты, чтоб им пусто было. Ну, и что ж на этот раз понадобилось столичным гостям на наших окраинах? Зина! – крикнул он и, когда на зов явилась женщина средних лет, в косынке, в потертом синем халате и войлочных тапках, велел: – Чайку сообрази гостям.

Зина, с любопытством стрельнув глазами, неторопливо поплелась куда-то в следующую подсобку. Комендант жестом пригласил всех садиться.

– Следуем на Кузьминки с целью разведать обстановку, – браво отрапортовал Крот, пытаясь внушить доверие собеседнику. Кажется, ему это не очень хорошо удалось. Но он был рад, что вопрос о принадлежности сталкеров к тому или иному государству больше не поднимался. Начальник станции вряд ли был бы в восторге, узнав, что один из гостей – представитель той самой зажавшейся Ганзы.

– Какая там может быть обстановка? Те же мутанты. Будто нам своих разведчиков мало, – вздохнул комендант с некоторым, впрочем, облегчением изучая их пропуска, – вроде настоящие. На его лице читалась целая гамма чувств. С одной стороны, вдруг пришельцы могут какую-нибудь пользу станции принести? Да и портить отношения с большим метро не стоило. С другой – кто его знает, зачем они явились? Лучше пусть идут себе дальше. Ему явно не хотелось, чтобы гости совали нос в его дела.

Зина в сопровождении девушки помоложе, одетой в джинсы, потертый черный свитер и шлепанцы, принесла несколько разномастных чашек, над которыми вился пар, подала и лепешки на выщербленной тарелке. Поставив угощение на стол, женщины еще помедлили, разглядывая гостей, – особенно их, по-видимому, заинтересовала рыженькая. А та сидела, потупившись, опустив глаза, – словно школьница, прогулявшая уроки, в кабинете директора. Волосы она кое-как упрятала под бейсболку, воротник мужской рубашки защитного цвета подняла, сгорбилась и вообще старалась по возможности спрятаться за спиной Следопыта – но все же заметно было, что это девчонка. Худые запястья трогательно торчали из слишком широких рукавов. Крот разглядывал ее руки, все в царапинах, длинные тонкие пальцы с заусенцами. Она вдруг вскинула голову и уставилась прямо на него вопрошающими карими глазами – он смутился и отвел взгляд. Зина, осуждающе покачав головой, впилась глазами в Айрона – казалось, ее завораживала висевшая в ухе серьга, собранные в хвост волосы, видневшаяся на плече татуировка. Тот хмыкнул чуть слышно. Комендант нетерпеливо оглянулся на женщин, и тут же словно ветром сдуло.

Чай был жидким и на вкус не очень, зато горячим, и Крот, обжигаясь, нетерпеливо прихлебывал, с наслаждением чувствуя, как растекается по телу тепло. Он только теперь почувствовал, что здесь, на станции, как-то промозгло и сыро даже в эту теплую летнюю ночь. А комендант тем временем вещал:

– На Кузьминках свое начальство, с ним и будете договариваться. Тут ведь у нас как, – усмехнулся он, – три станции отрезанными оказались от большого метро. И мы, конечно, сначала объединяться хотели, и вроде даже договорились, да не сошлись в мелочах. Вот то же название – каждый свое предлагал. Кузьминские хотели, чтоб по их станции называли альянс, те, что с Рязанского проспекта, стояли за Рязанскую федерацию – звучит-то, конечно, неплохо, да только и мы хотели, чтоб наша станция в названии была упомянута. Так ни к чему и не пришли толком – теперь вроде считаемся Рязанской общиной. Да нам и ни к чему мудрить – это в большом метро борьба между державами за ресурсы, а нас завоевывать никто не захочет – себе дороже станет. Впрочем, коли кто к нам сунется, дать достойный отпор мы сумеем, – в голосе коменданта звякнул металл, он не глядел ни на кого, но Крот расценил это как предупреждение.

– А мутантам тем более без разницы, есть у нас название или нету, – продолжал комендант. – Значит, так. Оружие вам вернем, когда будете уходить со станции. Если что, можно пообедать на пищеблоке – не шикарно, конечно, но голодными не останетесь.

Айрон усмехнулся. Комендант смущенно пробормотал что-то о трудностях с продуктами. Айрон взял чуть пригорелую лепешку, отломил – на вкус она напоминала опилки, но он героически принялся жевать. Следопыт, откинувшись в кресле, так и ел глазами коменданта, однако ни слова не произнес.

– А как тут у вас в туннелях? Не опасно? – поинтересовался Крот.

– Не особо, – пожал плечами комендант. – Иногда приползают какие-нибудь слепыши, а так ничего.

– Слепыши? – изумился Айрон.

Из последующих объяснений коменданта они поняли, что так здесь называли гигантских то ли червей, то ли змей, которые встречались иногда и в большом метро.

– Я вам сопровождающего дам – чтоб вам было спокойнее и чтоб меньше вопросов к вам было на Кузьминках, – обещал комендант.

Сталкеры вышли из подсобки и пошли через станцию, вновь чувствуя на себе любопытные взгляды местных. Заметно было, что станция залегает неглубоко. Молодежь выглядела хилой, бледной. У одного – язвы на лице, другой щеголял блестящей лысиной. Оглянувшись, Крот заметил, что Следопыта с ними нет. Рыженькая плелась вслед за Литвиным.

– Где наш Чингачгук Большой Змей? – возмущенно спросил Айрон, настроение которого после не слишком приветливого приема не сильно улучшилось. С другой стороны, он явно испытывал облегчение – к незнакомцам могли здесь отнестись и гораздо хуже. – Где этот вождь краснокожих?

Рыженькая изумленно покосилась на Айрона, и Крота это рассмешило. «Хватит, – одернул он себя, – ты тоже многого не знаешь. Приятно тебе будет, если кто-нибудь над тобой будет смеяться?» Так ему обычно говорила мать – и Крот испытал щемящую грусть, как всегда при воспоминании о ней. Со дня Катастрофы он ничего о ней не знал – и предполагал самое худшее. Наверное, она, как и многие другие, погибла наверху. А он по чистой случайности был отправлен в этот день к деду – сел на Выхино, думая, что выйдет из метро через полчаса, и не зная, что в следующий раз оказаться на поверхности ему доведется очень и очень нескоро, а своих родных он не увидит уже никогда. Мать проводила его до турникетов. Он был рослым и выглядел старше своего возраста, поэтому его и пропускали спокойно одного. Крот знал – билеты на электричку, которая останавливалась рядом со станцией Выхино, девчонкам не продают без паспорта. И все же однажды они со старшей сестрой ухитрились, обманув и мать, и бдительных тетенок-билетерш, вырваться погулять в центр на целый день.

Крот вздохнул при мысли о том, что могло случиться – да наверняка и случилось – с матерью и сестрой. Потом оглянулся – их догонял очень недовольный Следопыт. Он кинул недобрый взгляд на рыженькую – и Крот догадался, что комендант наверняка задержал его, чтобы поговорить о девчонке, и что разговор вряд ли был приятным. Хотя, казалось бы, какое начальнику станции дело до незнакомых людей, граждан, можно сказать, другого государства – и все же Крот часто сталкивался с проявлениями заботы о слабых там, где вовсе не ожидал. С одной стороны, Катастрофа вроде бы всех поставила в такие условия, когда выживает сильнейший, а слабому остается приспособиться или пропасть. Да вот только и до, и после Катастрофы встречались как те, кто не считал нужным уступить женщине место или еду, так и те, кто считал само собой разумеющимся опекать беспомощных.

В пищеблоке им разложили по шербатым тарелкам какое-то бурое пюре, не слишком аппетитного вида и запаха. Впрочем, и взяли недорого – по три патрона с человека.

– Что это? – поинтересовался Айрон.

– Грибы, – невозмутимо ответила орудовавшая ложкой в огромном котелке девушка, облаченная, как и Зина, в халат и повязанная косынкой, – не нравится – не ешьте. На вас, центровых, не угодишь.

При этом она с явным подозрением покосилась на кольцо в ухе Айрона и видневшуюся на шее татуировку.

– Ладно, – буркнул Айрон, – вижу, лучше со своими припасами в гости ходить.

Стряпуха промолчала, но на лице у нее было ясно написано, что она думает о незваных гостях, пусть даже и из большого метро.

– Блин, народ, после всего пережитого не грех и выпить, – обернулся Айрон к остальным. – Да и поспать бы не мешало – меня уже срубает, честно говоря.

– Не трави душу, потерпим уж до Кузьминок, – буркнул Следопыт.

– Чем-то мы ей не показались, – вздохнул Айрон, когда полуголодные сталкеры распрощались с неприветливой стряпухой, – а жаль. Всегда предпочитал дружить с работниками пищеблока.

– Понятно, чем, – не смолчал Следопыт, – ты весь картинками разрисован, на блатного смахиваешь. Вот она и напряглась.

Айрон хмыкнул, но ничего не ответил.

– Они тут, наверное, вообще пришельцев из большого метро не особо жалуют, – сделал вывод Литвин. – Живут голодно, а про нас думают, что мы там жируем – полигоны строим для забавы.

На блокпосту у входа в туннель, ведущий к Кузьминкам, их уже ждал сопровождающий – невысокий мужик, зябко кутавшийся в ватник. Тут выяснилось, что Следопыт опять отстал.

– Где наш вождь и учитель? Где наш Монтигомо Ястребиный Коготь? – с надрывом спросил Айрон. Литвин хмыкнул, но без осуждения. Крот тем временем продолжал разглядывать рыженькую. Он не мог отделаться от мысли, что уже видел ее когда-то. Девушка заметила, вспыхнула, отвернулась. Кого же она ему напоминает? Худенькая, с белой кожей и рыжими волосами, конопушки на щеках – приметная, он бы не забыл такую. А глаза карие – теплого такого цвета. Красавицей не назовешь, но глаз не отвести. Посмотрит – и на душе веселей становится.словно солнышко взошло. Да, солнышко. Крот вздохнул.

– Где наш вождь Соколиное Перо? – не унимался Айрон. – Эдак он всю мировую революцию проспит.

Догнавший отряд Следопыт бросил на него подозрительный взгляд, но Айрон сделал самое невинное лицо.

– Где ты был? – поинтересовался Крот.

Следопыт пробормотал что-то о настроениях местных жителей, которые не мешает узнать получше.

– В народ ходил? Ты эти свои пропагандистские штучки брось лучше, нечего агитацию разводить, а то нас отсюда вышвырнут в два счета, здесь тебе не Красная Линия, – предупредил Крот. – Во что тут народ верит, чем живет – нас не касается.

Он и не подозревал, что очень скоро эти суеверия будут затрагивать их самым непосредственным образом.

Они углубились в туннель. Проводник им попался неразговорчивый, на вопросы отвечал односложно. По счастью, никаких слепышей путникам по дороге не встретилось, они лишь спугнули нескольких крыс, что Крот считал хорошим знаком. Туннель был довольно сырым, под ногами хлюпала вода.

– Немудрено, что никто сюда не рвется, – бормотал Айрон, – эти чертовы лампочки у кого хочешь отобьют охоту разгуливать за Волгоградкой.

– И чего было идти в сталкеры, если, увидав неисправную лампочку, начинаешь звать маму? – поинтересовался Следопыт как бы в пространство.

– Это я-то звал маму? – завелся Медный.

– Какую-то мать ты точно поминал, – веселился Крот.

– Разве что великую мать всего сущего, – оскорбленно заявил Айрон.

На подходах к Кузьминкам шли уже еле-еле – сказывалась усталость. Пост на подходах к станции был чисто символический – старик в ватнике, теплых ветхих штанах и валенках с винтовкой сидел в туннеле на древнем стуле и клевал носом. Заслышав их приближение, он дернулся и перехватил винтовку поудобнее.

– Стой, кто идет? – азартно крикнул он. Сзади него тут же нарисовался шуплый бело-брысый парнишка, что-то жевавший, – видно, отлучался перекусить.

– Кузьмич, ты, что ли? – окликнул сопровождающий старика.

– Нет, не я, – огрызнулся дед. – Сам видишь, чего спрашивать. А это кто с тобой?

– А это к вам гости, откуда не ждали, – принимайте.

Дед, подслеповато щурясь, разглядывал документы.

– Не, это вам к коменданту, – буркнул он, – пусть начальство разбирается, мое дело маленькое. Васька, проводи.

Парнишка, то и дело оглядываясь на гостей, направился к лестнице, ведущей на станцию. Сталкеры последовали за ним, их взглядам открылись стены, облицованные кое-где отлетевшими желтоватыми пластинами. Станция также была без особых изысков – те же квадратные высокие колонны, только стены украшали кое-где кованые вставки. Но Кроту она понравилась куда больше. Он разглядывал зверюшек на вставках, знакомых еще по прежней жизни, – белочки, птички, рыбки. Еще вроде олень – вот уж их он не видел в природе, неужели тоже водились в этих краях? А может, и до сих пор водятся, только изменились, как все живое, за двадцать лет, минувших после Катастрофы? И – кто знает – может, попадают здесь на поверхности и медведи, и волки? Хотя вряд ли они опаснее красоток, но все равно встречаться с ними желания нет.

Откуда-то несло подгоревшей кашей, слышался недовольный женский голос. Взгляд сталкера зацепился за деревянный сруб, стоявший посреди станции.

– Ого, это что, столовая у вас или дом советов? – спросил он у Васьки.

– Грекова это дом, – буркнул тот.

– Начальник ваш?

– Вообще-то сталкер он, – нехотя пробурчал парнишка. – Отстроился, блин.

– А люди-то не возражают, что столько места занял?

– Чихать он на людей хотел, жлобина. Комендант ему не перечит, лебезит перед ним, потому что он один из самых удачливых добытчиков, а что там простые люди скажут, ему параллельно. В деревне б его уж давно пожгли, – авторитетно заявил Васька, явно повторяя слова кого-то из старших, – а тут-то как – всю станцию спалишь еще за компанию. Приходится терпеть, – и мальчик с досадой, как взрослый, плюнул себе под ноги, не обращая внимания на осуждающий взгляд стоявшей поблизости тетки. Крот машинально отметил про себя, что здешние женщины яркими нарядами не злоупотребляют, в их одежде преобладали серый цвет, хаки, а многие и вовсе носили все черное. Правда, на некоторых выцветшие от многочисленных стирок черные платья выглядели непрезентабельно, но, кажется, на это никто не обращал внимания. «Странные люди», – подумал Крот.

– А бревна-то ваш Греков где взял? – спросил он Ваську.

– Да сверху приволок, тут неподалеку ими торговали до Катастрофы.

Решили, что говорить с комендантом будут Следопыт, Литвин, Айрон и Крот, а Федора и рыжеволосую девушку оставили пока возле ближайшей палатки под охраной парнишки – как заложников. Их тут же обступили любопытные, но с вопросами не лезли, разглядывали молча – и от этого становилось как-то не по себе.

– Ну, чего встали? Разойдись, – ворчал парнишка, явно гордый доверенной ему важной миссией.

Остальная делегация отправилась в подсобку к коменданту. Это помещение выглядело скромно – стол представлял собой доску, положенную на четыре чурбака, комендант сидел на деревянной скамье, напротив стояла такая же – для гостей. На полу был расстелен тканый коврик. По краям стола стояло двое часовых с ружьями наизготовку – коменданта явно предупредили о визите, и он решил не ударить в грязь лицом перед гостями из большого метро.

Крот не сомневался, что часовые появились именно в связи с их приходом, – вряд ли они в обычное время несли постоянную вахту в кабинете.

Комендантом станции Кузьминки оказался рослый, крепкий мужик в тельняшке и спортивных штанах, с широким лицом и мясистым сизым носом. На лбу у него был еле заметный шрам, и Кроту подумалось, что мужику наверняка случалось подниматься на поверхность, – а может, он и до сих пор участвует в вылазках. Поодаль от коменданта на скамье расположился неприметный человек, державший в руках блокнот и ручку. Крот обратил внимание на черно-белое большое фото в рамке на стене – паренек с русым чубом в вышитой рубахе чуть склонил голову, задушевно и бесшабашно глядя, казалось, прямо в глаза. Ужасно знакомое лицо, только откуда? Крот нет-нет, да и поглядывал на фото. Голос у коменданта был густым, командирским.

– Ну, давайте знакомиться, – задушевно сказал он. – Семен Михалыч я, а это мой помощник, можно сказать – комиссар. Владимир Николаевич.

Неприметный человек утвердительно склонил голову, внимательно разглядывая гостей.

– Василий Денисыч, – нехотя буркнул Следопыт. Айрон, секунду помедлив, назвался тоже, но так быстро, что никто ничего не разобрал. Так же скороговоркой произнес имя и Крот, назвав и прозвище. Переспрашивать, впрочем, не стали, хотя комиссар сделал пометку в своем блокноте.

– Игорь Михайлович, – произнес Литвин.

– Ну, вот и познакомились, – пророкотал комендант. – И все же попрошу документики предъявить комиссару нашему. Не обессудьте, время такое – сами понимаете. Не так давно являлись к нам из метро бандиты всякие – вот с тех пор, как мутанты дорогу стерегут, хоть этой швали не стало.

Сталкеры, достав корочки, передали их комиссару, и тот немедленно принялся переписывать данные в блокнот, периодически сверяя лица с фотографиями плохого качества.

Тем временем стройная девушка с челкой внесла на подносе несколько дымящихся шерба-тых фарфоровых чашек. Крот оценил – принимали их, видимо, по высшему разряду, фарфоровые чашки обычно хранились для торжественных случаев даже на Ганзе, а уж на этой полуннице станции, наверняка, были большой редкостью. Хотя кто их знает, может, у них поблизости посудный магазин находится. Тем не менее, Крот почувствовал себя на мгновение важной персоной. Девушка быстро глянула на него и вновь опустила глаза. А комендант продолжал:

– Неужто вас прислали, наконец, из большого метро, откликнулись на наши молитвы? Да ведь столько лет прошло, теперь ни следов, ни концов не найдешь. Ну, попробуйте – может, чего и накопаете. Где думаете искать?

«Знать бы, о чем он», – подумал Крот. Но Айрон сориентировался быстрее и неопределенно произнес:

– У вас тут вроде парк какой-то поблизости есть?

– А вот в парк лучше не соваться, – неожиданно резко сказал комендант. И тут же вроде бы устыдился своей грубости.

– Спросите, почему? – он обвел слушателей взглядом. И, поскольку никто не спросил, ответил сам: – Потому что чуйка у меня. Сердце подсказывает. Этот парк у нас нехорошим местом считается. Пропадете еще там, а я за вас отвечай потом. Там даже мутанты не такие, как в городе. Наши давно уже туда не суются. Нет, лучше по окрестностям посмотрите. Но чтоб никому на станции – ни слова. Нечего людям душу травить, надежды давать напрасные. Они только успокоились. Будут спрашивать, зачем пришли, – сами придумайте, что вам здесь занудилось. Может, склады оружия ищите... хотя какие тут склады! Поблизости все давно растащили, а далеко ходить – приключений искать.

Крот слегка обалдел. И не только он. На лице Айрона было ясно написано: «Мы тут секретность разводим, а здесь, оказывается, все уже всё знают». И только Следопыт не растерялся и поддакнул:

– Конечно, склады, а что же еще? Так и скажем людям. У нас от народа секретов нет.

– Эх, – вздохнул комендант, – в прежние времена я б сам с вами пошел. А теперь силы не те, башка трещит по утрам, видеть стал хуже, – он задумчиво потер шрам на лбу. – Но все условия вам обеспечим. Палатку дадим, питаться можете на кухне в любое время – там всегда что-нибудь есть. Еды хватает пока, не жалуемся. Хозяйство подсобное завели, крыс разводим, да и сталкеры у нас – орлы, добытчики. Даже с Текстилей теперь к нам ходят промышленять, в наши края. Вот только не верю я, что будет толк из вашего расследования. Ну, походите, поищите.

Он перехватил взгляд Крота и вроде бы слегка смутился.

– Это, так сказать, покровитель станции, известный рязанский поэт.

Комиссар кивнул и важно добавил:

– Народу нужны какие-то ориентиры... Культурные, так сказать, ценности. Не хлебом ведь единым. Мы и день рождения его отмечаем. Народу нужна идея.

– Это точно, – вздохнул комендант. – А у нас тут чего ж? И так каждый в своем углу сидит, даже на соседних станциях редко бываем. Когда только очухались после Судного дня, уцелевшие вроде хотели сплотиться, контакты наладить. С большим метро пытались отношения поддерживать. Хотели открытый перегон как-то обустроить, крышу, что ли, навести, но так и не удосужились. А потом, как начали к нам лихие люди всякие ходить, даже порадовались мы, что не проложили им удобную дорогу. Теперь уже без толку об этом думать – мутанты не дадут. И с объединением ничего не вышло. Мы даже было название уже сочинили – Рязанская Федерация, – комендант хмыкнул. – А на деле получается, что Текстили на нас косо смотрят – мол, хорошо устроились, в серединке. Того гляди, начнут с нас требовать платы за то, что они – крайние, будто мы в этом виноваты. А рязанские – ребята озорные, бойкие, отчаянные. У них свои какие-то места, куда они за едой да за хабаром ходят, и очень они боятся, что мы им дорогу перебежим. А мы, наоборот, ко всем с широкой душой – приходите, гости дорогие, – комендант картинно развел руками. И вдруг закашлялся, схватившись за грудь. Крот отвел глаза. Владимир Николаевич торопливо сунул коменданту какую-то тряпку, платок, что ли. Комендант с досадой оттолкнул его руку. Постепенно приступ прошел, все еще бледный комендант откинулся назад.

– Да, нам рассказали уже про рязанских, – торопливо сказал Крот, чтобы нарушить наступившее тягостное молчание. – А дальше по ветке, за Рязанским проспектом, нет ничего?

– А чего там может быть? Выхино – открытая станция, а что за ней творится – неведомо. Там дальше уже Люберцы. Не знаем, есть ли там живые. Хотя слухи разные ходят. Говорил человек с Рязанки, что иной раз словно бы кто скребется к ним с поверхности, – даже вроде голоса часовые слышали. Но не открыли – побоялись. На самом деле, кому там скрестись, через двадцать-то лет? Либо это им мерещится от нечистой совести, либо это души неприкаянные стонут.

Услышав это, Крот с интересом глянул на коменданта, а тот невозмутимо продолжал:

– Сталкеры здешние – те условные сигналы знают, и им рязанские открывают. А если нет, так любой сталкер знает, что может до нас дойти, – впустил. И еще в туннеле есть лаз, только своим известный.

– А нас-то впустите обратно, когда наверх сходим? – как бы в шутку спросил Крот.

– Об этом не тревожьтесь – мы вас одних наверх не отпустим, – улыбнулся комендант. – Петр Николаич проводит, он у нас главный добытчик, все окрестности знает досконально. И обо всех тонкостях вам расскажет.

Крот понял – комендант намекает, что с ним лучше дружить, иначе ничего у них не выйдет.

Тут та же девушка внесла на подносе тарелку с самодельным печеньем, и все замолчали, ожидая, пока она выйдет. Крот с удовольствием прихлебывал чай – хоть и жидкий, но, кажется, настоящий, видно, еще из прежних запасов.

Пришлось заново пересказать коменданту, как добирались, и в общих чертах – что теперь творится в большом метро. Крот весь измаялся – день был бурный, хотелось уже съесть что-нибудь поосновательнее жидкой похлебки и чая с печеньем, выпить, расслабиться.

Напоследок комендант еще раз предупредил:

– От парка держитесь подальше и слухам, что здесь ходят, не верьте. А то вам такого порасскажут – мол, оборотни там живут, и все такое. Если чего не поймете – идите ко мне, будем вместе разбираться. Держите, так сказать, в курсе.

Когда уже выходили, столкнулись в дверях с худым, нервным мужиком.

– Что у тебя, Андреич? – спросил комендант.

– Терехина хулиганит.

– А чего она?

– Так это... велено ж было игрушки сжечь. А она не хочет. Не отдает. Не силой же отбирать?

– Тьфу, – досадливо крикнул комендант, почесав в затылке, – ладно, не трогай ее пока. Вот чумовая баба! Сказали всем – от этих игрушек зараза одна, грязь собирают. Ладно, я с ней сам потолкую.

Крот, пока шли, соображал. Комендант явно принимал их за какую-то другую группу, и это было им на руку. Крот не знал, какая там у них вышла история и какого они ожидали расследования, каких посланцев из большого метро, но все это можно было выяснить со временем. Главное – что они получили одобрение любых поисков. И все-таки странно было, что все вот так гладко обошлось, без препятствий. Лучше бы им пришлось стоять на своем, доказывать. Чутье подсказывало Кроту, что когда все так складно начинается, потом непременно ждет какая-нибудь большая пакость. А начиналось все на удивление удачно. Конечно, с этим светом в туннеле натерпелись страху, но ведь в итоге все живы. Хотя Литвин до сих пор какой-то странный – еще неизвестно, как это приключение ему аукнется. А поиски входа и неласковую встречу Крот и за трудности не считал. Вот если б они пару человек потеряли по дороге или, к примеру, не смогли до утра обнаружить вход на Текстильщики и пришлось бы возвращаться в большое метро мимо обиталища мутантов – это было бы проблемой. А так что ж, все живы, а что понервничали, так профессия stalkera – не для слабаков, легкой жизни никто не обещал.

Что-то странным ему показалось на станции, но что – он не мог пока понять. И еще – слишком открытым и простодушным показалось лицо коменданта. Крот мог бы поклясться – мужик очень себе на уме. Пару раз Кроту делали гадости вот с такими честными лицами.

На первый взгляд, люди здесь обустроились даже лучше, чем на Текстилях. Возможно, оттого, что это была средняя из трех станций и жителям можно было тешиться иллюзией относительно безопасности. Крот отметил для себя, что уголовного вида личностей, которых он в изобилии встречал, например, на Шаболовке, да и на Пролетарке, чего далеко искать, здесь вовсе не было заметно, и проникся уважением к начальникам обеих станций. Впрочем, ведь комендант сказал, что это во многом заслуга мутантов, – а внутренних врагов они, видно, сами истребили. На первый взгляд, здесь жили простые, трудолюбивые люди, но Крот привык не доверять первому впечатлению.

И все же из двух станций Кузьминки ему, пожалуй, больше пришлись по душе – то ли причиной тому были забавные металлические вставки на стенах, изображавшие зверюшек, то ли женщины здесь одевались получше, не так в глазах пестрило, то ли сама станция выглядела менее захлавленной. Хотя что-то такое ощущалось и здесь, словно бы в воздухе висело...

что-то недосказанное, гнетущее. Он вновь замечал эти странные, недобрые взгляды – словно местные опасались, что чужаки могут забрать у них что-нибудь ценное. Да у них, на взгляд Крота, и брать-то было нечего. И запах... странный какой-то запах чувствовался здесь иногда. Крот затруднялся бы сказать, какой, – тяжелый, кисловатый, заставлявший даже его, человека неприхотливого, иногда морщиться.

Когда вернулись от коменданта, оказалось, что Федор успел найти с рыженькой общий язык. Он что-то увлеченно рассказывал ей, а она слушала, то и дела прыскавая от смеха. Это неприятно кольнуло Крота – хотя какое ему, в сущности, было дело до незнакомой девчонки с Красной Линии, которую, скорее всего, он видит первый и последний раз.

Спать хотелось ужасно. Все очень устали, поэтому, наспех перекусив, отправились на ночлег. Мужчинам отвели большую палатку, где на полу были разбросаны выдавшие виды матрасы и лоскутные замызганные половики. Рыженькую, причитая над ней: «Какая ж ты худышка, и чего ты с мужиками связалась, тебе бы в лазарете где-нибудь сидеть и носа не высовывать», – увела куда-то жена коменданта, властная женщина со следами былой красоты в лиловом платье и с тяжелыми серьгами-кольцами в ушах. Следопыт не возражал – может, решил, что это удобный случай наладить отношения с местными, что женщины найдут общий язык. «Странно, – подумал Крот, – коменданту явно уже доложили, что в отряде – девушка, но он вмешиваться не стал». Тут оказалось, что Следопыт не зря ходил в народ на Текстильщиках, – он извлек на свет бутылку мутного пойла, разлил всем в кружки.

– Ну, за удачу! За то, что дошли!

– Надо будет составить план действий, – сказал Литвин. – Я на этой станции бывал до Катастрофы, примерно представляю, что наверху было. У метро – рынок, и дорога в парк как раз мимо него идет. Но с тех пор все наверняка сильно изменилось – надо спрашивать людей, что за мутанты здесь водятся и чего стоит в первую очередь бояться.

– Что-то мне тут не по себе, – проворчал Айрон. – На Текстилях все на нас косились, руководство не скрывало, что мы им на хрен не сдались, а тут комендант прям так и светится весь. Не люблю я, когда так мягко стелют, – не к добру это. И чего это мы, по его мнению, должны искать тут?

– Давайте решать проблемы по мере поступления, – посоветовал Литвин. – Думаю, скоро это само собой выяснится.

Перед тем, как окончательно отключиться, Крот спросил Следопыта:

– Ты зачем девчонку-то потащил с собой? Что, на Красной Линии мужиков, кроме вас с Айроном, уже не осталось?

– Да чего ты о ней так печешься! – взъелся Следопыт. – Она сама напросилась. Будь моя воля – я бы от баб подальше держался. Все беды от них. Но раз начальство велело – приходится терпеть.

– Ладно вам, – буркнул Айрон, устраиваясь поудобнее на дырявом матрасе, покрытом выдавшими виды байковыми одеялами.

– Спокойствие, други мои, – мягко произнес Литвин, – только спокойствие. Пути провидения неисповедимы. Наша юная спутница может оказаться очень полезной.

Крот решил, что этот тип очень непрост и, скорее всего, его сюда послали все же высокобые – так сам Крот про себя именовал браминов из Полиса. Но в этом был и плюс – дурака бы они не послали, значит, от Литвина может быть польза. А насчет девушки так и осталось непонятным – сама она напросилась или все-таки начальство велело? Не так-то все просто – мало ли, кто просится в поход, это ж не значит, что всех желающих возьмут. Скорее всего, ее умело подтолкнули к тому, чтобы напроситься, расписывая новые, интересные места, заманив новыми возможностями. Застигнутый врасплох Следопыт сгоряча сболтнул лишнего, на что Крот и рассчитывал. Все это предстояло уточнить со временем.

Договорились, что завтра, с самого утра, займется сбором информации. Айрон предложил для этого разбиться на группы.

Крот, несмотря на усталость, долго не мог заснуть, раздумывал. Что же они должны искать в парке? Оружие? Что там такое предполагают найти, если даже руководство Ганзы, не склонное зря сорить деньгами, выдало ему щедрый аванс – и обещало доплатить еще по итогам похода, если он найдет что-то полезное или добудет хотя бы интересную информацию? С красными понятно – они могут работать и из идейных соображений, не даром с их линии сразу трое явилось. Правда, Айрон бы не пошел на разведку «за идею», а вот Следопыт, наверное, мог бы. А девчонке – тут к гадалке не ходи – обещали, видно, что, это ее шанс отличиться. Она небось и рада стараться. Думает, что когда вернется, признают ее тоже сталкером, вот дуручка. И не принимает в расчет, что может и не вернуться. Разве в ее возрасте о таких вещах задумываются?

Вот еще интересно – почему нет никого из Рейха? Не то чтоб это огорчало Крота, он этих шталкеров терпеть не мог, просто хотелось знать – неужели нациков не интересуют поиски в парке? Обычно ведь, когда возникают чудные слухи, они тут как тут, в первых рядах. И чем чуднее слух, тем охотней они готовы в него верить и раскошеливаться. Есть у них даже какой-то проект «Аненербе» – в подробности Крот не вникал, но вроде там у них целая группа тем и занимается, что чуть ли не тайные силы на помощь призывает, собирает всяких колдунов да магов. Делать им нечего! Впрочем, шталкеры не любили сотрудничать с жителями других станций, и не исключено, что кто-то из разведчиков Рейха уже отправился в одиночку в интересующем их направлении и их опередил. Любой невзрачный с виду тип на станции может на самом деле оказаться агентом Рейха. Хотя вряд ли – в этом сообществе каждый новый человек на виду, и комендант не утаил бы от них, если бы сюда наведались еще гости из большого метро.

Показательно было также, что не прислал своих сталкеров Бауманский альянс. Там в руководстве были люди, твердо стоящие на земле обеими ногами. Их не заинтересовал бы слух, например, о сверхоружии, с помощью которого можно установить свою власть во всем метро. А вот точные сведения о запасах еды, топлива, складах лекарств могли бы сподвигнуть руководство Альянса организовать экспедицию. Напрашивался вывод – слухи насчет чего-то интересного в парке весьма темные и недостоверные, их отправили на разведку. Впрочем, если Федор – человек Лодочника, а Лодочник как-то связан с Бауманским альянсом, хотя и действует исключительно в своих интересах, можно считать, что и у Альянса есть здесь свои глаза и уши. Еще Литвин этот... Станный тип. Упорно делает вид, что сам по себе, – может, в Полисе ему велели не светиться. Не верил Крот, что кто-то пойдет на такое дело на свой страх и риск, – наверняка все проплачено, вопрос – кем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.